

★ Александр ЛЫСЁВ ★

«РАНЬШЕ СМЕРТИ НЕ ПОМРЕМ!»

**ТАНКИСТ, ДИВЕРСАНТ,
СМЕРТНИК**

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Александр Лысёв

**«Раньше смерти не помрем!»
Танкист, диверсант, смертник**

«Яуза»

2013

Лысёв А. В.

«Раньше смерти не помер!» Танкист, диверсант, смертник
/ А. В. Лысёв — «Яуза», 2013 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

Вторая Мировая была для России не только Великой Отечественной, но и продолжением Гражданской войны – немало белых офицеров пошли на службу Рейху, считая Сталина худшим злом, чем Гитлер. И летом 1941 года им суждено сойтись в бою – советскому танкисту на тяжелом штурмовом КВ-2 и русскому поручику-белоэмигранту, ставшему диверсантом немецкого элитного полка специального назначения «Бранденбург-800»... Что за злой рок заставляет русских людей, готовых отдать жизнь за Родину, стрелять друг в друга? Почему их судьбы не просто переплетены, а намертво спаяны в адском пламени братоубийственной войны? Чья правда права? Каково это – выбирать из двух зол? И долго ли еще русские будут воевать против русских?

© Лысёв А. В., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

1	5
2	10
3	20
4	24
5	34
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Лысёв

«Раньше смерти не помрем!»

Танкист, диверсант, смертник

1

Сначала была баня. Именно баня – рубленая, приземистая, пахнущая изнутри чисто выскобленными деревянными полами, с березовыми вениками и дубовыми кадушками, стянутыми клепаными металлическими обручами. И жар был что надо. Плеснуть из ковшика с резной ручкой холодной водицы на раскаленную каменку да бегом после этого заскочить на верхний полки и лежать, расслабившись душой и телом, – одно удовольствие! Баня была самая что ни на есть русская, настоящая – хоть и стояла она на окраине провинциального польского городишки. Бане было, пожалуй, лет пятьдесят, не меньше. Она пережила войны, революции, распады империй, становление и крах национальных государств. И теперь, похоже, готовилась пережить нечто подобное вторично. Да что там готовилась – уже начала. От независимого польского государства в очередной раз не осталось и следа. Германский вермахт стоял на новой восточной границе, за которой таилось манящее и пугающее одновременно бесконечное пространство. А еще в те дни выдалась сильная жара – на дворе была середина июня 1941 года.

У привыкшего за последнее время к казарменным душевым личного состава баня вызвала массу положительных эмоций. Со знанием дела и явным удовольствием то и дело плескали из ковшика воду. С улыбками, заслышав шипение, в клубах пара заскакивали на полки. В плавающем у потолка мареве звонко и хлестко свистели, рассекая горячий воздух, свеженаломанные веники, устилая пол молодыми березовыми листочками.

А потом выдавали обмундирование. Немецкую форму было приказано сдать. Во двор был загнан большой трофейный трехосный грузовик «Шкода» чехословацкого производства. В его тентованный кузов поближе к кабине, подальше от случайных глаз, были задвинуты длинные деревянные ящики и объемистые тюки, перехваченные бечевкой. Прямо как готовые к отправке бандероли на рейхспочте. Ближе к откидному заднему борту стояло несколько коробок, из которых как бы невзначай выглядывали продолговатые банки тушенки в белых бумажных этикетках с распростершими крылья черными имперскими орлами. Грузовик вчера совершал рейс на продовольственный склад.

– Unterfeldfebel Heunter Zeuler, spezielle Lehr-Baustein Bataillon¹, – прочитал днем ранее в протянутых сопроводительных документах сухопарый пожилой офицер немецкой интендантской службы.

– Jawohl, Herr Mayor! – щелкнул каблуками стоявший перед ним.

Майор, слегка прищурившись, посмотрел сквозь пенсне в золотой оправе на прибывшего к нему визитера. Унтер-фельдфебель, лет сорока пяти, кадровая выправка, общевойсковая форма с петлицами сапера, чуть сдвинутая на сторону пилотка на голове.

– Sie haben besondere Aufgabe...² – чуть понизил голос майор, и глаза его за стеклами пенсне сощурились еще больше.

– Jawohl, – последовал такой же четкий и бесстрастный ответ. Чуть приподняв подбородок, приехавший совершенно спокойно сосредоточил на майоре взгляд своих серых глаз.

¹ Унтер-фельдфебель Гюнтер Цойлер, специальный строительный батальон.

² У вас особое задание...

Интендант рассматривал его еще мгновение – чуть выше среднего роста, немного худощавый, но крепкий и жилистый. Правильные черты лица, на котором слегка обозначившиеся складки выдают возраст. Под пилоткой коротко стриженные русые волосы, чуть тронутые сединой на висках. Мундир застегнут на все пуговицы. Лицо арийское, впрочем, скулы, пожалуй, чуть широки. Такое лицо может быть как у немца, так и у славянина...

– Also, kommen Sie bitte... – прервал несколько затянувшуюся паузу майор. И, сделав приглашающий жест рукой, первым вошел через устроенные, судя по свежим выбоинам в стене, совсем недавно, но уже аккуратно выкрашенные в серый шаровый цвет металлические ворота. Они вошли в здание старой кирпичной кладки.

Внутри было прохладно. Майор шел первым по большому сводчатому залу. Унтер-фельдфебель следовал за ним. Гулко отдавались шаги в старинном помещении. На полу аккуратными рядами выстроились штабеля ящиков со всевозможной маркировкой, нанесенной в одинаковых местах черной краской по трафарету. Здание представляло собой некогда старую казарму русской императорской армии, коих было множество возведено в Привисленском крае на рубеже XIX – XX веков. Затем казармой пользовались поляки, а осенью тридцать девятого в нее заехал интендантский склад вермахта, слегка переделав внутреннюю и внешнюю планировку под свои нужды. Зашли в самую дальнюю угловую часть. За много лет до нее, похоже, не доходили руки ни у поляков, ни тем более у немцев. Однако длинные зеленые ящики без маркировки и перевязанные бечевкой тюки были принесены сюда совсем недавно. Они были заботливо прикрыты со всех сторон охапками сена. Как будто случайно, перед ними на полу, загораживая единственный подход, громоздился всевозможный хлам: поломанные и разобранные старые кровати с панцирными сетками, перевернутые деревянные тумбочки, сваленные в кучу сплюснутые кружки, манерки, обрывки кожи, керосиновые лампы и еще неведь что. Все это было покрыто слоем битого кирпича и осколками стекла. Майор остановился. Приехавший оглядел открывшуюся картину и уверенно сделал шаг вперед. Ногой отгреб мусор и кирпичную крошку. Жалобно звякнул, покотившись в сторону, измятый и запыленный самовар. Унтер-фельдфебель присел на корточки, провел пальцем над носиком самовара с потерянными краником. На тусклом, серебряного цвета боку самовара блеснули выбитые медали и отчетливо видимая надпись «БаташовЪ, 1894». Унтер-фельдфебель поднял глаза, огляделся по сторонам. У стены стояла полуразрушенная деревянная пирамида для трехлинейных винтовок. Стертая и выцветшая, над остатками пирамиды на привинченной к кирпичам табличке еще читалась надпись по-русски: «1-й взводъ». А рядом на торце какой-то разохшейся то ли полки, то ли дверцы, отчего-то совершенно не тронутая временем, красовалась выведенная чернилами подпись с мудреными завитушками: «7-й роты старший унтер-офицеръ Николай Ря...» Фамилия старшего унтер-офицера была безвозвратно утеряна.

Майор-интендант закашлялся, достал из кармана галифе белоснежный накрахмаленный платок. Снял и протер пенсне, затем водрузил его на место. Унтер-фельдфебель поднялся, отряхнул рукав мундира.

– Vielen Dank, Herr Mayor. Entschuldigen Sie bitte, aber ich habe ein Befehl...³

– Ich weiss, – коротко отозвался майор. – Alles ist da. Ich werde aus...⁴

И, не говоря более ни слова, интендант развернулся и зашагал в обратном направлении. Оставшись один, унтер-фельдфебель подошел к ящикам. Стреб с одного из них сено на сторону, вытащил из-за голенища сапога маузеровский штык-нож, поддел замки. Крышка откинулась легко. Оглядев содержимое, унтер-фельдфебель удовлетворенно усмехнулся краешком рта и закрыл крышку, защелкнув замки.

³ Благодарю, господин майор. Извините, но у меня приказ...

⁴ Я знаю. Все здесь. Я буду снаружи...

Ящики и тюки грузили приехавшие с унтер-фельдфебелем солдаты с такими же саперными выпускками на мундирах. На складе, кроме майора, больше не было никого. Это было оговорено заранее. Под конец в кузов поставили несколько коробок с немецкой тушенкой. Майор докурив сигарету, подошел к наблюдавшему за погрузкой приезжему. Еще раз оглядел пристальным взглядом его фигуру в ладно пригнанном обмундировании. Встал чуть в отдалении, не говоря ни слова.

«Унтер-фельдфебель, – подумалось майору. – А примерно моих лет. Весьма странно... Впрочем, мне намекнули, с кем придется иметь дело», – тут же оборвал сам себя дисциплинированный кадровый прусский офицер. Однако от замечания вслух все-таки не удержался:

– Ich keampfte hier... Sommer der feunfzehnte... Unsere glorreiche alte Kaizer Armee... Und Sie, ohne Zweifel, waren auch im Front⁵?

Унтер-фельдфебель обернулся, несколько секунд пристально смотрел на майора своими серыми глазами, затем произнес, как показалось интенданту, с едва уловимой странностью непонятого происхождения в интонации:

– Ich auch. Ohne Zweifel⁶.

И, коротко козырнув, уселся в кабину грузовика. Майор проводил взглядом «Шкоду» со старательно зашнурованным тентом.

Выехали на улицу. Унтер-фельдфебель еще раз проверил наличие всех необходимых отметок в сопроводительных документах. Прежде чем убрать бумаги в нагрудный карман мундира, беззвучно перечитал про себя предписание: «Выдано унтер-фельдфебелю Гюнтеру Цойлеру». И чуточку усмехнулся краешком рта, как час назад в казарме-складе, когда проверял содержимое ящиков. Затем достал сигарету, опустил боковое окно грузовика и, закулив, выпустил струйку дыма через нижнюю губу, разглядывая окрестности.

Унтер-фельдфебель сказал майору совершенную правду. Он действительно тоже воевал в этих местах летом 1915 года. Только не в кайзеровской армии, а в русской императорской. И предписания он тогда предъявлял не на имя Гюнтера Цойлера, а на имя в тот момент прапорщика Александра Николаевича Земцова – свое подлинное имя...

После бани переодевались во дворе за глухим высоким дощатым забором. Когда на улице послышался треск мотоциклетного мотора, все инстинктивно замерли и переглянулись. Не ходивший в баню часовой в немецкой форме, выглянув за ворота, запустил мотоциклиста во двор и тут же снова плотно закрыл створки. На мотоцикле без коляски въехал командир взвода лейтенант Кнапке. Заглушил двигатель.

– Herr Leutenant... – подскочил с докладом часовой, приставляя винтовку к ноге.

– Говорить только по-русски. Всем! – с ходу оборвал его Кнапке. Оглядел отделение Цойлера, застывшее посреди двора в одном нижнем белье, но с руками по швам. Бросил с легкой усмешкой: – Вольно!

Кнапке прошелся по двору между солдат отделения, окинул взглядом пуговицы и завязки на нижнем белье, едва заметно покивал с удовлетворенным видом и обернулся к Земцову:

– Цойлер, как оденутся, дайте мне знать – будем получать документы.

– Так точно!

И, кинув снятые кожаные перчатки на бензобак своего BMW, с увесистой полевой сумкой в руках направился через двор в беленую хату. Русским языком Кнапке владел великолепно. Впрочем, как и большинство чинов подразделения «20–60», входившего в 800-й полк особого назначения «Бранденбург».

⁵ Я воевал здесь... Летом пятнадцатого... Наша славная старая кайзеровская армия... А Вы, без сомнения, тоже были на фронте?

⁶ Я тоже. Без сомнения.

На дворе между тем продолжилась распаковка привезенных накануне тюков. С немецкой обстоятельностью тюки были пронумерованы. Зная заранее свой номер, каждый брал предназначенное себе. Земцов перерезал штык-ножом бечевку, аккуратно разложил на пятнистой плащ-накидке вытасченное из бумажного пакета советское обмундирование и снаряжение. Поставил на землю яловые сапоги, накинув на голенища портянки. Кто-то рядом, в свою очередь, усмехнулся портянкам, покосился на Земцова и сделал то же самое. В каждом тюке находился полный комплект обмундирования и снаряжения кадрового пехотинца Красной Армии. Земцов придирчиво осмотрел хлопчатобумажную гимнастерку защитного цвета со стрелковыми петлицами старшины, такие же бриджи. Одел – все пришлось впору. Ловко намотал портянки и, притопнув каждой ногой, покачался с пятки на носок и обратно. Затем раскатал поясной ремень и принялся последовательно надевать на него снаряжение: круглый подсумок к автомату ППД, гранатную сумку, лямки плечевых ремней, сухарную сумку, флагу на пристяжном карабине, саперную лопатку, второй подсумок. Распределил снаряжение, подогнал все, подпоясался и расправил все складки на гимнастерке. Прodel через плечо противогазную сумку.

– Помоги, – коротко обратился к рослому вестфальцу Хубе.

Тот закинул на плечи Земцову красноармейский ранец с уже притороченной к нему шинельной скаткой. Пилотку Земцов заправил за ремень и аккуратно разгладил. Подтянул подбородочный ремешок стального шлема образца тридцать шестого года с нарисованной на нем красной звездой. Все остальные в это время занимались со своим обмундированием и снаряжением тем же. Из зеленых ящиков извлекли стрелковое оружие – автоматы и самозарядные винтовки. Раздали патроны и гранаты.

– Становись! – Земцов вышел на середину двора.

Прохаживаясь вдоль строя, бросал короткие замечания: «застегни пуговицу», «расправь складки», «лямка перевернулась, поправь». Дошел до Хубе.

– Лопату на другой бок перевесь.

– Scheisse.

– Все по-русски, Хубе, по-русски. – В вестфальца впился цепкий взгляд серых глаз.

Хубе помялся с ноги на ногу и вдруг разразился отменной матерной тирадой на чистейшем русском языке, смысл которой сводился к тому, что теперь придется перебирать всю навешенную на него снарягу. Выругался с чувством, с толком и расстановкой и тут же, щелкнув каблуками, прижал руки по швам и впился вопросительным взглядом в Земцова.

– Очень хорошо, – серьезно одобрил Земцов. Но добавил: – Каблуками не щелкай.

Когда Хубе с помощью товарищей устранил нарушение, Земцов сделал движение бровями крайнему в строю солдату:

– Зови Кнапке.

Через минуту на крыльце хаты появился Кнапке в форме капитана пехоты РККА.

– Рав-няйсь! Сми-ирна! – негромко подал команду Земцов.

Кнапке прошелся вдоль строя, внимательно глядя в каждого стоящего перед ним. Остался доволен, слегка покивал головой. Раздал всем красноармейские книжки и прочие документы. Посчитал необходимым напомнить:

– И чтобы подворотники всегда были чистые!

– Подворотнички, господин лейтенант, – подал голос из-за спины Кнапке Земцов.

Это было правило в команде: любой, кто заметил чью-то ошибку или неточность, должен был незамедлительно ее поправить при всех. Не важно, кто и в каком чине ее допустил, – честолюбию здесь места не было, только работа. На общее благо.

– Благодарю вас, Цойлер, – развернулся к нему на каблуках Кнапке. Проговорил с нажимом: – Подворотни-чки, а также отставить не разговоры, а разговор-чики! Все так?

– Так точно, господин лейтенант.

– Только не господин лейтенант, а товарищ капитан.

Кнапке чуть обозначил кивок подбородком на петлицы с одной шпалой у себя на воротнике гимнастерки. На Земцова в упор без тени шутки смотрели его холодные и прозрачные, чуть водянистые глаза.

– Так точно, товарищ капитан!

– Собираем вещи и грузимся. – Кнапке сделал жест в сторону грузовика. – У вас пять минут.

– Есть!

2

Капитан Барсуков, подобрав лежавший под ленивцем танка молоток, гулко постучал в крыло над широченной гусеницей.

– Эгей, Коломейцев!

Из люка под башней показалась голова молодого парня в танковом шлемофоне.

– Ну товарищ капитан, полчаса! Мне еще масло проверить. Да и по трансмиссии не все закончил...

Барсуков оперся о приоткрытый смотровой лючок механика-водителя. Сказал совсем по-дружески:

– Завязывай, Витяй. Хватит на сегодня. Все-таки суббота, как-никак...

Огромный профиль тяжелого штурмового танка с исполинской башней четко прорисовывался на фоне вечернего заката. Грозно чернела, коротко высовываясь из клепаной броне-маски, гаубица невероятного доселе калибра – 152 миллиметра. Новенький КВ-2 казался олицетворением мощи и несокрушимости. Таких машин, недавно полученных, в дивизии было совсем немного – всего около двух десятков. А еще танк сейчас, как это ни удивительно, очень приятно пахнул свежей краской, замешанной на аромате приносимых ветром полевых цветов. Где-то ниже, за уходящим к самой воде лугом, неспешно катила свои прозрачные воды безымянная деревенская речушка. Оттуда веяло свежестью и прохладой.

Старший сержант Коломейцев выбрался через круглый люк наружу, обер руки ветошью, положил ее на откинутую крышку, снял шлемофон и, протопав сапогами по надгусеничной полке, спрыгнул на землю. Барсуков молча протянул ему пачку папирос. Закурили, присели у опорного катка. Некоторое время в полной тишине задумчиво оба смотрели на закат.

18 июня 1941 года дивизия, входившая в состав Прибалтийского особого военного округа, была поднята по тревоге из литовского местечка Укмерге, где дислоцировалась на постоянной основе. К исходу того же дня части дивизии были скрытно переброшены в район железнодорожных станций Гайжюны – Рукле. Относительно короткий переход вскрыл несколько неприятных моментов: поломки материальной части, неопытность большого числа механиков-водителей, нерасторопность некоторых командиров, недостатки в движении и снабжении походных колонн. К тому же выбились из графика. Впрочем, все это было давно и хорошо известно в дивизии и над устранением этих недостатков постоянно работали. Последние несколько дней не были исключением. Своей ротой капитан Барсуков был вполне доволен. Правда, на марше все-таки не обошлось без одного инцидента и у них. Матвей Москаленко, молодой водитель из последнего призыва, не справился с управлением и завалил-таки на повороте исполинский танк одним бортом в кювет. Слава Богу, движение перекрыто не было. Москаленко, испуганный и всклокоченный, застыл на обочине, виновато озираясь по сторонам, то и дело размазывая перемешанную с потом грязь по веснушчатому лицу. Рядом стоял, переминаясь с ноги на ногу, командир танка младший лейтенант Ивлев. Лейтенанта здорово потряхивало, он нервно курил в кулак и провожал растерянным взглядом проходящую мимо колонну бензозаправщиков. Оба – и механик, и командир – явно не знали, что им делать дальше. На башне запрокинутой машины, усевшись на вставшие почти горизонтально поручни подъема, расположились остальные члены экипажа. Они с невозмутимым видом густо дымили самокрутками – все были из старослужащих.

– Тормози! – коротко бросил в переговорное устройство Барсуков.

Коломейцев мягко осадил командирский КВ на тормозах.

«Ох уж эти училищные», – слезая на землю, мысленно проворчал в адрес прибывшего в полк только этой весной Ивлева капитан. Впрочем, Москаленко прибыл служить срочную еще

позже. Обходя танк с кормы, Барсуков привычным слухом профессионала отметил, как ровно и достаточно тихо для дизеля работает на холостом ходу двигатель его собственной машины.

«Все-таки какой Витяй молодец. Повезло мне с ним», – в очередной раз подумал капитан.

Распекать младшего лейтенанта и механика Барсуков не стал. Просто оглядел соскочивший с башни и построившийся при его появлении экипаж.

– Все целы?

– Так точно, – вразнобой ответило шесть голосов.

Ивлев попытался что-то доложить, но Барсуков оборвал его:

– Заводите тросы.

Завалившийся КВ вытянули на дорогу. К вечеру все благополучно прибыли своим ходом в место нового расположения. Еще несколько дней проверяли технику, приводили ее в порядок, ремонтировали, что-то меняли, драили, прибирались. 20-го неожиданно провели на импровизированном полигоне боевые стрельбы. На них Ивлев реабилитировался – его экипаж отстрелялся лучше всех. Впрочем, в значительной степени это была заслуга опытных наводчика и заряжающего, хорошо сработавшихся с новым, шестым членом экипажа – специально добавленным на КВ-2 замковым. По возвращении опять все проверяли, ремонтировали, чистили, драили. Но сейчас работы уже везде закончились.

– Вот Москаленку бы сюда, а не тебя с машиной возиться, – затушив папиросу, полусмущенно-полусерьезно проговорил Барсуков.

– Матюша в кино рванул, – отвечал Коломейцев. – В автотранспортный батальон передвигу привезли.

– Ну а ты?

Коломейцев делано округлил глаза:

– Я же говорю, трансмиссия и масло...

Они переглянулись и, не сговариваясь, молча заулыбались.

Барсуков и Коломейцев служили вместе уже не первый год. На толкового пареня из под Ленинграда, выпускника ОСОАВИАХИМа, Барсуков – тогда еще старший лейтенант – обратил внимание сразу. Рослый вихрастый парень, прибывший в числе других новобранцев в часть летом 1939-го, не очень-то подходил по своей комплекции для службы в танковых войсках. Однако, как следовало из сопроводительного формуляра, находился в ладах с техникой, что было немаловажно.

– Грузовик водишь, – остановившись перед Витяем и заглянув в бумаги, скорее утвердительно, чем вопросительно произнес перед строем Барсуков.

Коломейцев сделал шаг вперед:

– Так точно, вожу.

– А танк сможешь?

– Трактор водить пробовал – получалось. Думаю, смогу и танк, – скромно, но без тени смущения отвечал новобранец.

– Пойдешь механиком-водителем, – определилась быстро и просто очередная солдатская судьба.

– Комсомолец? – с уверенностью спросил шедший следом за Барсуковым политрук роты, носивший трескучую фамилию Сверчкевич.

– Никак нет.

– Как так?! – У Сверчкевича от неожиданности даже отпала нижняя челюсть.

– Да я техникой больше интересуюсь, – спокойно пояснил парень.

Уже вечером после развода политрук выговаривал Барсукову о Коломейцеве:

– Не, ну ты подумай: ОСОАВИАХИМ, технарь, спортом увлекается, кружок моделирования опять-таки...

Барсуков чуть вздернул бровь, удивленно обернувшись на Сверчкевича.

– Чего ты на меня смотришь? Я полистал, полистал дело... И вдруг не член ВЛКСМ! А, каково? Что-то здесь не так. Надо копать.

– Нет здесь никакого дела – нечего копать. Мне не комсомолец нужен, а механик, – рубанул в ответ Барсуков.

– Ну ты даешь, Иван! – Сверчкевич аж присел. – Ты вот думаешь хоть иногда, что ты говоришь? Ну это разве слова сознательного советского командира? Ты совсем бдительность потерял? Да может, он...

– Паша, – Барсуков вплотную подошел к Сверчкевичу, нависая над ним сверху, – отстань от парня.

И, повернувшись, зашагал прочь.

В талантах Коломейцева старший лейтенант не ошибся. Уже с первых занятий по вождению на танкодроме стало ясно, что из парня выйдет толк. А через месяц учебная «двадцатшестерка» под управлением Коломейцева не просто образцово брала на предельной скорости все установленные препятствия, но и выписывала такие пируэты, что посмотреть на занятия приезжало даже командование бригады. Коломейцев удостоился наградных часов с гравировкой «За отличное вождение», а Барсуков – благодарности в приказе. Раз не обошлось и без курьеза – на стрельбах по движущимся мишеням экипаж так усердно крутил башню, что потерял ориентировку. Если принять во внимание, что машина в это же время в руках Коломейцева практически пустилась в пляс, уходя от мнимого ответного огня условного противника, то неудивительно, что после завершения маневров все находившиеся в башне на четвереньках вывалились под ноги подошедшему Барсукову. Вылезший из своего люка Коломейцев стоял рядом и скромно улыбался. К счастью, командование в тот раз на полигон не приезжало.

В конце августа политрук Сверчкевич был серьезно озадачен: нужно было грамотно донести до личного состава изменение внешнеполитической линии партии и правительства. Лекция о советско-германском пакте прошла в клубе в целом без эксцессов. Напряжение вызвал лишь один вопрос из зала, заданный молодым солдатиком из ремонтно-восстановительного батальона:

– Товарищ политрук, а Риббентроп – он теперь господин или товарищ?

Сверчкевич буквально пробурлил взглядом любопытного мальчишку – вопросы на политинформациях предполагались лишь по регламенту, но отнюдь не на практике. Тем не менее, откашлявшись, ответил медленно и с расстановкой:

– У наших германских друзей принято обращение господин. А у нас – товарищ.

Солдатик сел на свое место вконец озадаченный. Впрочем, вскоре господина-товарища Риббентропа быстро затмили новости о нападении Германии на Польшу. С объявлением войны английскими и французскими империалистами нашим новым немецким друзьям война стала носить характер мировой. Поскольку через пару недель после ее начала не польская армия стояла под Берлином, а германская под Варшавой, назвать вступление СССР 17 сентября 1939 года во Вторую мировую войну вынужденной союзнической помощью Гитлеру у Сверчкевича язык, конечно, не поворачивался. На выручку пришли заранее заготовленные спасительные директивы родного политотдела. Согласно официальной версии, Красная Армия протягивала дружественную руку помощи братским народам Западной Украины и Белоруссии, изнывавшим под нестерпимым гнетом польских панов. Вскоре марширующие в столовую танкисты уже дружно распевали:

– «Белоруссия родная, Украина золотая...»

Но личный состав более всего интересовала не политика. Командиры, сержанты и большинство красноармейцев жадно ловили сведения о действиях наших подразделений против польской армии. В первую очередь, разумеется, танковых. Впрочем, боевых столкновений было совсем немного. Отдельные очаги сопротивления на занимаемых практически без боя территориях, едва начавшаяся и почти сразу закончившаяся попытка дать отпор советским

танкам подо Львовом – все это вряд ли можно было воспринимать всерьез. На многокилометровых маршах по причине поломок выбыло из строя больше техники, чем при соприкосновении с противником. Разбитые на западе поляки почти повсеместно сдавались на востоке, с двух сторон зажатые стальной хваткой своих подружившихся соседей. Союзники провели 28 сентября совместный военный парад в Бресте, и вроде как очередным разделом Польши война для СССР закончилась. Танкистам показали кинохронику, а затем политрук Сверчеквич прочитал всем очередную лекцию о том, с какой радостью западные украинцы и белорусы влились в дружную семью советских народов и как они благодарны партии и лично товарищу Сталину за оказанную им братскую помощь. Сидя в кинотеатре и глядя, как катятся по улицам Бреста друг за другом немецкие и советские танки, как мирно беседуют, стоя на бульварах на фоне пестрой толпы и сидя в открытых автомобилях, офицеры вермахта и командиры РККА, Коломейцев и его товарищи испытывали чувство острого разочарования от того, что война так быстро закончилась. А они в ней не успели принять участия. Не успели опробовать себя в деле и получить награды. Досадно.

Вскоре, однако, выяснилось, что ничего не закончилось, а наоборот – только начинается. В середине октября 1939-го бригаду в спешном порядке перебросили под Ленинград. Коломейцев к этому времени стал механиком-водителем на тяжелом Т-28 старшего лейтенанта Барсукова. Подразделения укомплектовали до штатов военного времени. В районе Карельского перешейка начались усиленные занятия боевой подготовкой: отрабатывались действия в наступательном бою на пересеченной местности с преодолением каменных, деревянных и земляных противотанковых препятствий. Прошли практические занятия с экипажами по вождению машин по азимуту ночью. Дополнительную подготовку по вождению танков в лесисто-болотистой местности получили механики-водители.

– Долго! – щелкал секундомером Барсуков, когда запыхавшиеся танкисты, выскочив по его команде из танков, выстраивались напротив своих машин. – Повторить! – И безжалостно в очередной раз нажимал кнопку секундомера, бесстрастно наблюдая, как экипажи в строго установленном порядке на этот раз заскакивают в танки.

Вскоре выяснились причины передислокации и усиленной боевой подготовки. Политрук Сверчеквич со всей страстью праведного обличения поведал собравшимся на очередную лекцию танкистам всю правду о разворачивающихся событиях. Выходило, что на этот раз народ Финляндии возжелал, чтобы самая замечательная на свете Страна Советов протянула и ему свою дружественную руку помощи, дабы помочь избавиться от проклятых белогвардейских недобитков, узурпировавших власть в маленькой, но свободолюбивой стране. Правда, эти злобные белогвардейские недобитки сильно задумали голову финскому народу и даже от своей ненависти к социалистическому строю в бессильной ярости осмеливаются устраивать провокации на советских границах. Сурово покарать белофиннов, освободить народ Финляндии от гнета узурпаторов и дать ему возможность вступить в спаянную нерушимой дружбой счастливую семью советских народов – вот та задача, которая поставлена перед героической Красной армией, безусловно являющейся армией-освободительницей.

Сверчеквич в этот раз превзошел самого себя. Все это он излагал очень проникновенно и убедительно, сопровождая свою речь энергичными рубящими движениями, олицетворяющими, надо полагать, сокрушительные удары, которые должны обрушиться на головы белофинской военщины. Закончив, отхлебнул воды из стакана и обвел аудиторию пылающим взором. Все присутствующие, безусловно, прониклись важностью наступившего момента. Солдатик из ремонтно-восстановительного батальона сидел с открытым ртом и только хлопал глазами. Никто не задал ни одного вопроса.

29 ноября бригада была придана изготовившемуся к атаке стрелковому корпусу и на следующий день в его составе перешла границу с задачей разгромить финские части и не допустить их отхода в северо-западном направлении.

«Невысокое солнышко осени зажигает огни на штыках», – полилась над лесами и болотами заранее заготовленная вдохновенная песня о долгожданном освобождении Финляндии. Однако на следующий же день осеннее солнышко сменилось зимним, а долгожданное освобождение завязло в оборонительных сооружениях предполья «линии Маннергейма». Задурманенный управляющей им преступной кликой финский народ упорно не желал «освободиться».

Действия танковой бригады первоначально имели успех. Получив боевую задачу и здраво рассудив, что дороги, вероятнее всего, заминированы, Барсуков повел свою роту через лес, по азимуту. Шли с открытыми люками. Коломейцев полдня усердно ворочал рычаги, заваливая мощным корпусом танка небольшие деревца и старательно объезжая вековые сосны и замшелые валуны. Ко второй половине дня услышали впереди звуки боя и вокруг небольшой высоты обнаружили нашу пехоту, прижатую к земле финским огнем и уже окруженную с трех сторон. Подоспели как раз вовремя – стремительной танковой атакой положение было восстановлено. Более того, совместно с пехотинцами с ходу захватили мост через небольшую лесную речушку и плотно закрепились на другом берегу. Однако продвинуться дальше оказалось уже труднее. Весь следующий день танки поддерживали атаки пехоты на хорошо укрепленную деревню, вокруг которой финны заблаговременно устроили огневые точки и скрытно расположили артиллерию. Советская пехота несла большие потери, танкам необходимо было пополнить боекомплект и запасы горючего. Снабжение между тем куда-то запропастилось. Пехотные грузовики были потеряны еще вчера на восточном берегу. Вытащенные с линии огня раненые начали замерзать. Посовещавшись со стрелковым капитаном, Барсуков распорядился выгрузить боекомплект из двух машин и распределить его среди оставшихся. Из срубленных деревьев соорудили самодельные волокуши. Их прицепили к танкам, погрузили тяжелораненых и в сопровождении санинструктора отправили собранную на скорую руку импровизированную колонну обратно за реку, где остались отапливаемые палатки.

– Деревню надо брать, – произнес Барсуков. – Иначе померзнем.

Приплясывающий на крепчавшем морозе стрелковый капитан утвердительно закивал.

Провели еще четыре безуспешные атаки. Когда пошли в сгущающихся сумерках в пятую, финны запалили деревню со всех сторон и ушли. Организовать преследование уже не было ни возможности, ни сил. Кое-как переночевали среди тлеющих головешек и отправили передовой дозор дальше. К середине третьего дня наступления наконец-то подтянулись отставшие тылы. Вернулась разведка – впереди были взорванные мосты, засеки и густо заминированные дороги. По обочинам простирались непроходимый лес и болота. Попытались найти объезд и утопили одну машину – танк быстро ушел в заснеженную жижу по самые башни, так что экипаж едва успел выскочить наружу. Под заледеневшей и припорошенной снегом коркой скрывалась незамерзающая трясина. О том, чтобы вытащить увязшую машину, не могло быть и речи.

– Хреново, – констатировал Барсуков.

Но все это оказались лишь цветочки. Когда через неделю невероятных усилий вышли к первой линии основных оборонительных сооружений финнов, вот тогда увязли основательно. Поредевшая танковая рота расположилась на лесной опушке. Впереди, слева и справа, насколько хватало глаз, простиралось открытое пространство, сплошь утыканное ровными рядами надолбов – так называемых «зубов дракона». Где-то далеко за ними у гряды маячивших на горизонте холмов была спрятана мощнейшая сеть огромных дотов, снабженных всем необходимым.

– Приехали, – в очередной раз констатировал Барсуков и опустил бинокль.

Развернулись ожесточенные бои по прогрызанию знаменитой «линии Маннергейма». Финские позиции штурмовала советская авиация, на лесные завалы и скрытые за цепочкой надолбов доты бросались танки, волна за волной ходила в атаку пехота. Безрезультатно. К исходу очередного дня безуспешного наступления снег заметал искореженную технику и сотни оставшихся лежать среди воронок трупов. Утром все начиналось сызнова. В лобовых атаках

сжигались батальон за батальоном. Зима выдалась лютой. В едва отапливаемых лазаретных палатках в ближайшем тылу корчились от холода раненые. Насмерть замерзали, не дождавшись смены, выставленные сторожевые дозоры. А к передовой все тянулись и тянулись бесконечные цепочки стрелков в светло-серых шинелях и обледелых буденновках. Перекрашенные в белый цвет танки бригады регулярно ходили на штурм финских укреплений. Несколько раз им удавалось прорываться за линии надолбов. Однако финны всякий раз отсекали от танков пехотное прикрытие. Понеся потери, бронированные машины возвращались обратно. Так продолжалось до конца декабря. В январе атаки приостановили. Бригада пополнилась присланными с Кировского завода «двадцатьвосьмерками». Получил новую машину и экипаж Барсукова. Старая подорвалась на mine практически у своих позиций в самом начале очередного безуспешного наступления. К счастью, хоть из экипажа никто не пострадал.

В один из дней февраля Барсукову со взводом из своей роты было приказано выдвигаться в передовой секрет. Расположились в небольшой низине, с трех сторон укрытой невысокими заснеженными холмами. На них, как заверили танкистов, было выставлено наше стрелковое охранение. Поэтому появившиеся в утренних сумерках фигуры в масках сначала приняли за своих. Ошибку поняли, лишь когда сверху занятую советскими танкистами поляну со всех сторон начали закидывать гранатами.

– Финны! – зазвенел в насквозь промороженном перелеске чей-то истошный крик.

Две задние машины, перекрывавшие выезд из низины обратно к нашему расположению, запылали практически одновременно. Их забросали бутылками с горючей смесью. Вылезшие из наспех вырытых накануне в снегу между колдобинами нор и не успевшие запрыгнуть в танки экипажи отстреливались наугад из стрелкового оружия. Коломейцев залег в снегу, чуть приподнял голову, напряженно всматриваясь в белую громаду своего танка. Вроде невредим. Оглядел поляну – их танк уцелел единственный. Пока уцелел. Весело выбившая прямо перед ним фонтанчики снега пулеметная очередь заставила Витяя пригнуться. Рядом плюхнулся в снег Барсуков, передернув затвор своего «ТТ». Взглядом указал Коломейцеву на танк. Финны держали поляну под перекрестным огнем, но бутылки больше не кидали. Наверное, они у них закончились.

– Сразу заведется? – едва шевеля замерзшими губами, прошептал Барсуков.

– Должен. Я полночи печку под моторным отделением топил, – таким же сиплым шепотом отвечал Коломейцев.

– Давай, Витяй. – Барсуков сглотнул и, придерживая механика за рукав, добавил: – Назад никак – наши горят. По низине вперед есть проход. Ма-аленький такой. Я с вечера посмотрел – пролезем. Выскочим, ну а там как выйдет.

– Я понял, – кивнул Коломейцев и пополз к танку.

Когда до машины оставалось несколько метров, Витяй вскочил в полный рост и бросился вперед. Наверное, по нему стреляли, но он попросту не обратил на это внимания. Достигнув заветной цели – оказавшись на своем привычном месте механика-водителя – Коломейцев спокойно и уверенно нажал стартер. Запустившийся двигатель гулко заревел на всю округу.

Снаружи поднявшийся на ноги Барсуков высаживал в небо патрон за патроном из своего «ТТ» и дико орал, перекрывая все звуки вокруг:

– Экипа-а-аж!!! В та-анк!!!

По броне зацокали пули. Внутри успели заскочить Барсуков, наводчик и с вечера неведь зачем увязавшийся с ними в секрет политрук Сверчков. Больше не успел никто. Медлить было нельзя.

– Давай! – рявкнул уже внутри танка Барсуков, задравая за собой люк.

С лязгом провернулись гусеницы. Жалобно хрустнула под днищем танка самодельная печурка – предмет гордости Витяя. Он сам смастерил ее из обрезанной металлической бочки – теперь было не до нее. Коломейцев двинул машину по низине вперед, в сторону финских

позиций. Танк нырнул в проход между холмами, перемахнул через пустой окоп нашего боевого охранения и выскочил на большую прогалину, покрытую мелким сосняком и усыпанную валунами. Барсуков предполагал обогнуть холм и вернуться обратно к своим. Сделать это сразу мешали камни. Набирая ход, «двадцатьвосьмерка» пошла влево по большой дуге. Так они оказались на нейтральной территории. На открытом месте к тому времени совсем рассвело, и оправившиеся от неожиданности финские артиллеристы открыли по советскому танку беглый огонь. Маневрируя между разрывами и валунами, Коломейцев отчаянно ворочал рычагами. В мгновение ока он весь покрылся липким потом.

– Орудие справа! – раздался по танкофону голос командира. – Прицел постоянный!

Коренастый наводчик привычно обернулся назад, но вместо заряжающего увидел скорчившегося на днище танка политрука Сверчкевича.

– Снаряд!!! – на выдохе просипел наводчик.

Первый снаряд из боеукладки политрук уронил на пол. Никто даже не успел испугаться.

– Твою ма-а-ть!!! – рычал наводчик. – Шевелись, сука!

Трясущимися руками Сверчкевич при помощи наводчика кое-как зарядил пушку. Барсуков, уже сообразивший, что там происходит, вел огонь длинными очередями в сторону замеченных артиллерийских позиций врага из курсового пулемета. Меняя диск, произнес в танкофон со спокойной обреченностью, больше похожей на просьбу, чем на приказ:

– Огонь, ребята.

Для артиллерийской дуэли с их стороны все происходило безнадежно медленно, и Барсуков это прекрасно понимал. Один раз они все-таки выстрелили из своей 76,2-миллиметровой пушки. Припав к пулемету, Барсуков не видел разрыва от выпущенного ими снаряда. Зато отчетливо различил всполохи ответных выстрелов на финской батарее и спинным мозгом почувствовал, что один из летящих навстречу снарядов предназначен им. Удар пришелся вскользь по срезу главной башни. Всех хорошенько встряхнуло. Коломейцев на секунду выпустил рычаги, но затем снова вцепился в них с удвоенной силой. Танк продолжал движение. Витяй гнал к кустарнику на окраине поляны. По приказу Барсукова наводчик изнутри запустил оба прибора дымопуска. Еще с полминуты тянувшийся за «двадцатьвосьмеркой» шлейф маскирующего дыма мешал вражеским артиллеристам пристреляться. А затем попавшим снарядом разорвало левую гусеницу. Как ни тянул Коломейцев рычаги, машина заскочила правой стороной на огромный замшелый валун и повисла на нем с креном на левый борт. Правая гусеница крутилась в воздухе, с левой стороны вращающиеся катки рыхлили снег. Точку поставил третий снаряд, снесший одну из пулеметных башен. В моторном отделении заплясали алые языки пламени. Коломейцев машинально натренированным движением нажал кнопку тушения пожара. Впрочем, судя по треску сзади и жирному чаду, быстро заволакивающему боевое отделение танка, это было бесполезно.

– Покинуть машину! – скомандовал Барсуков.

Вывалились через расположенный в днище люк экстренной эвакуации. Последним выбрался Барсуков, прихватив с собой пулемет ДТ из уцелевшей башни. Танк и валун прикрывали их от огня финнов. Впрочем, те вскоре прекратили стрельбу, оставив в покое подбитый советский танк. С нашей стороны прозвучало несколько артиллерийских залпов, а затем все смолкло. Только густо чадила «двадцатьвосьмерка». Опасаясь взрыва боезапаса, решили двигаться подальше от машины. Разгребая руками снег, по-пластунски поползли прочь. Но лишь только фигурки в темных танковых куртках выбрались на открытое пространство, по ним дробно застучали финские пулеметы. Пришлось спешно возвращаться обратно. Делать было нечего – все залегли за валуном и, вжавшись в снег, стали напряженно ждать, когда рванут оставшиеся в танке снаряды. Долго ждать не пришлось – внутренним взрывом корпус бронированной машины подбросило. К счастью, все обломки полетели в противоположную от эки-

пажа сторону. Коломейцева в очередной раз сильно встряхнуло и приложило головой о валун. Спас танкошлем – Витяй отделался только здоровенной ссадиной на лбу.

– Ну, вроде пока все, – сплюнул кровь с прокушенных губ Барсуков. – Ждем темноты. Потом поползем к своим.

– А если сунутся? – подал голос политрук Сверчкевич, по-кошачьи, будто лапой, одной рукой растирая снег по закопченному лицу.

– Если сунутся – встретим. – Барсуков похлопал рукой по «ДТ» и разложил на каменном уступе прихваченные из барабанов башенной укладки пулеметные диски.

– Зачем мы вообще сюда сунулись... – морщась, пробурчал себе под нос наводчик, пытаясь пошевелить рукой в обгоревшем рукаве. – Жили себе люди в своей стране и никого не трогали.

Хоть и было непривычно тихо для передовой, после его слов тишина на несколько секунд стала как будто звенящей. А затем моментально преобразившийся в лице Сверчкевич придвинулся к наводчику, произнес с ледяной угрозой в голосе:

– Повтори, что ты сказал.

Барсуков и Коломейцев встретились глазами.

– Что ты сказал, гнида?! – раздельно по слогам отчеканил политрук.

Ответа от наводчика не последовало.

– Все слышали? – Это уже было обращено к командиру с механиком. Оба отрицательно покачали головами.

Барсуков стянул танкошлем, сплюнул в снег кровью и, взяв себя пальцами за мочку уха, произнес с нескрываемой презрительной иронией:

– Не слышали, товарищ политрук. У нас уши отморожены.

Коломейцев невозмутимо кивнул в знак согласия.

– Та-ак... – протянул Сверчкевич. – Запомните все: нас послала сюда партия и лично товарищ Сталин. И если кто-то...

– Конечно, – оборвал его Барсуков. – Разве может быть иначе?

Перебравшись поближе к политруку и кивнув на догорающий танк, Барсуков уже ему одному негромко, но очень зло и ожесточенно проговорил вполголоса:

– Паша, ты кроме как п. деть чего-нибудь еще делать умеешь?

Сверчкевич заиграл желваками, молча прислонился спиной к валуну, отвернулся в сторону и громко задышал, свирепо раздувая ноздри. Больше до вечера он не проронил ни слова.

Они просидели на морозе целый день. По ним никто не стрелял, но зато замерзли все страшно. С наступлением вечерних сумерек поползли в сторону своих позиций. Обогнули холм, который им не суждено было утром объехать на танке.

– Стой! Кто идет? – раздалось откуда-то снизу.

– Свои! – отозвался Барсуков, решив, что они достигли позиций нашего боевого охранения. – Мы танкисты. Нас подбили.

Вопреки ожидаемых строгих вопросов человек внизу вдруг попросил изменившимся, жалобным голосом:

– Товарищи танкисты, поднимите меня, пожалуйста.

Оказалось, перед ними была большая воронка. Все четверо сползли в нее на животах. На дне воронки обнаружился лежащий на спине пухлый красноармеец с петлицами связиста. Неловко раскинутые ноги с поломанными лыжами застряли в оголенных взрывом корнях деревьев.

– Куда ранен?

– Да цел, кажись, только поморозился. Я уж кричал, кричал – никто меня не слышит.

– Тебя как сюда занесло?

Посланный исправлять обрыв на линии связист, как и положено, шел по проводу. Вместо своих провод привел его на нейтралку за холмами. Он долго монотонно брел в белом безмолвии, пока сообразил, что топает на лыжах по снежной целине уже далеко за пределами наших позиций. А в кустарнике напоролся на разведгруппу финнов. Вражеские разведчики поступили весьма оригинальным способом – не просто перерезали связь, но и утащили провод далеко за собой. Как умел, солдат бросился бежать на лыжах обратно, вызвав со стороны противника... дружный смех. После чего и завалился в воронку.

– Ну не ходок я на лыжах, – утер нос рукавом шинели связист.

Финны подъехали к воронке, поглядели на петлицы рядового, на нелепую позу, в которой тот лежал с поломанными лыжами, оскалились в улыбках и умчались на своих быстрых лыжах прочь.

Барсуков переглянулся с экипажем:

– Это, похоже, наши утренние гости.

– А я лежу тут третий час... – закончил свой рассказ связист.

Красноармейца осторожно подняли на ноги.

– Здоров ты, братец, – одернул на нем за хлястик расpiraемую во все стороны шинель Барсуков.

– Да не, это на мне два ватных комплекта надето, – пояснил связист. – А так я худой.

Все представили связиста в таком одеянии, навьюченного катушкой и карабином, на лыжах, и вслед за финскими разведчиками на лицах танкистов мелькнули невольные улыбки.

Дальше выбирались впятером. К советским позициям с другой стороны холма подходили уже в полной темноте. Связист посигналил карманным фонариком. Ему ответили, окликнули, спросили пароль. Получив верный отзыв, пропустили в траншею.

– Мы уж думали, ты с концами...

– А я вот он, – шмыгнул носом и привычно утерся рукавом шинели солдат. – И не один...

Драматичный танковый рейд закончился для всех его участников на удивление благополучно. Коломейцев всего лишь поморозил лицо и пальцы на руках и ногах, что в сравнении с «освободительным» походом в Финляндию выглядело сущими пустяками. Через несколько недель Зимняя война закончилась. В бригаде награждали отличившихся бойцов, командиров и политработников. С легкой руки Сверчкевича, которой тот, помимо командира танка, написал рапорт об их февральском приключении, вынужденная вылазка экипажа Барсукова была отмечена командованием. Все получили медали «За отвагу», а политрук – орден Красной Звезды.

– Иван, вам надо усилить политическую подготовку личного состава, – вещал Сверчкевич, протирая рукавом новенький орден на шевиотовой гимнастерке. – Настоятельно советуем сосредоточить именно на этом самое пристальное внимание.

Политрук был весьма доволен собой. Он только что вернулся из полевого госпиталя, расположившегося в большом финском хуторе, где проводил лекцию о преимуществах снабжения бойцов РККА по сравнению с солдатами буржуазной Финляндии. Лежавший на койке паренек из ремонтно-восстановительного батальона вопросов уже не задавал и глазами не хлопал. На его осунувшемся и резко повзрослевшем лице залегла глубокая складка вокруг губ, а обе отмороженные ступни были ампутированы.

Сверчкевич порассуждал еще с минуту о том, какие возможности открыла советская власть простым людям и лично Барсукову, как вывела его, беспризорника Ивана Барсукова, в красные командиры, дала то, о чем многие поколения угнетенных трудящихся даже не могли и мечтать. И как важно сохранять бдительность, чтобы оградить эту родную, плоть от плоти трудового народа власть от любых вражеских поползновений.

– Паша, мне-то лапшу на уши не вешай, – поморщился Барсуков, накинул реглан и вышел из блиндажа.

Вскоре Барсуков был откомандирован в другую часть для дальнейшего прохождения службы на новых тяжелых танках. Ему поручили отобрать с собой лучших специалистов в своем деле. Первым, кого он взял, был Коломейцев.

3

Земцов сидел в кузове «Шкоды», пристроив в ногах ранец и автомат. Они уже несколько часов глотали пыль на польских дорогах. Наглухо запахнувшись германским мотоциклетным плащом и надев фуражку офицера вермахта, лейтенант Кнапке уселся в кабину рядом с шофером. Тот единственный из всех оставался полностью в немецкой форме. После посадки их отделения в грузовик Кнапке лично зашнуровал снаружи тент, строжайше запретив разговаривать и курить. Ехали молча.

За весь день была только одна остановка на обед. Перекусывали сухим пайком. Отделение расположилось на маленькой протоке. «Шкоду» загнали в глухой кустарник. Кнапке тщательно осмотрел окрестности и только после этого расшнуровал тент. Строго определил место, где они могут находиться. Все должны были постоянно быть у него на виду. Отлучаться – запрещено, даже по нужде.

– Не стесняйтесь, – хмыкнул лейтенант и объявил: – На прием пищи, перекур и прочие дела двадцать минут.

Хубе и латыш Берзиньш бойко вскрыли банки с тушенкой – те самые, полученные накануне на складе у прусского майора. Вытащив из-за голенища сапога алюминиевую ложку (складные немецкие вилки-ножи педантичный Кнапке всем приказал сдать), Земцов присел у задних колес грузовика с банкой в руках.

– Вы держите ложку в сапоге как настоящий русский, – уплетая мясо, кивнул Земцову Хубе. И, желая показать, что он хорошо выучил урок, добавил: – Товарищ старшина...

«Товарищ старшина» лишь усмехнулся в ответ – знал бы этот вестфальский парень, где только не держал ложки Земцов за время своей долгой военной службы.

– Это не вполне гигиенично, – прокомментировал Берзиньш с типичным металлическим акцентом прибалта.

– Стройте фразу еще короче, Берзиньш, – моментально отозвался Земцов. Суть сказанного замечания, казалось, его совсем не волновала. – Скажите по-другому.

– Это... плохо, – подумав, произнес латыш.

– Слишком просто.

– Грязь! Свинство! – буквально вбросил в разговор русские слова Берзиньш. Теперь произношение не пострадало.

– Вот это подходит, – кивнул Земцов и зачерпнул своей ложкой, явившейся поводом к разговору, очередной кусок говядины в прозрачном желе.

– Я и по советским документам латыш, – похлопал себя по карману гимнастерки Берзиньш.

– Не болтайте много и длинными фразами. Иначе рискуете получить пулю прежде, чем предъявите свое совдеповское удостоверение личности.

Земцов добил банку и отошел за грузовик. Рядом возник Кнапке:

– Совдеп – белогвардейское словечко.

На Земцова пристально смотрела пара холодных и бесстрастных глаз. Все же он чертовски наблюдателен, этот лейтенант. Человек явно на своем месте. Кнапке был единственный из группы, кто знал кое-что из подлинной истории Земцова.

– Согласен, – произнес Земцов.

– Будьте осторожней.

Этого русского офицера командир взвода в «учебно-строительном» батальоне особого назначения лейтенант Кнапке отметил сразу. Он испытывал к нему смешанные чувства. Если вообще можно говорить о чувствах применительно к таким людям, как Кнапке. С одной стороны, Земцов – даже для Кнапке и тем более для всех нижестоящих унтер-фельдфебель

Гюнтер Цойлер – являлся превосходным кадром для выполнения специальных задач. Безукоризненная военная выучка, прекрасная для его лет физическая подготовка, огромный и разносторонний боевой опыт, такие черты характера, как расчетливость, выдержка, умение владеть собой в любых ситуациях, высочайший профессионализм, помноженные на подчеркнутую субординацию, казалось, являли собой почти идеальную картину. С другой стороны, обладавший волчьей интуицией Кнапке ощущал, что в этом русском таится нечто, что превосходит его самого. Речь шла не о недоверии. И уж тем более не о возможности быть подсиженным. Этого Кнапке нисколько не боялся. Речь не шла также о выносливости и даже о силе духа. Это было нечто большее. Просто на каком-то ментальном уровне Кнапке чувствовал, что Земцов внутренне ориентирован на решение еще каких-то задач, помимо стоящих перед солдатами подразделения особого назначения. Теоретически даже и это в Земцове было лейтенанту понятно. Но Кнапке с удивлением и даже легким разочарованием признавался себе, что задачи эти не то что не могут быть выполнены им, германским офицером Кнапке, по приказу – конечно, он выполнит любой приказ, – они не могут его увлечь и сделаться на долгие годы смыслом его существования и опорным стержнем всей его личности. Да что там долго рассуждать – он русский, этот Цойлер, или как там его на самом деле, вот и весь сказ!

В спецподразделении Земцов оказался при содействии своих старых сослуживцев из второго отдела РОВСа – Русского Общевоинского союза. До этого была Испания. Земцов в числе русских добровольцев отряда генерала А. В. Фока входил в Кастелиано-Арагонский легион национальной испанской армии Франко. С фронтов охватившей Испанию в 1936 году гражданской войны постоянно приходили сведения о всевозможных добровольцах разных национальностей, в том числе и о добровольцах из Советского Союза. Большинство добровольцев воевало на стороне испанского республиканского правительства. Часть белых эмигрантов, помимо всего прочего еще и глубоко оскорбленные тем, что при освещении испанских событий советских называют русскими, решили делом доказать, что существуют настоящие русские, которые никогда не прекращали борьбы против поработившего их родину режима, где бы ни представилась возможность вступить в схватку с последователями его идей. Говоря проще, ставшими в те дни знаменитыми словами белого генерала Скородумова, на каком бы краю Земли ни высунулась красная морда – бей ее нещадно. Как тот гоголевский персонаж, что бил прыгающих из игральных карт мухлевавших чертей. Вопли политиков, громогласные стенания насквозь продажных демократий, разногласия в эмигрантских кругах, лукавые рассуждения о якобы невмешательстве в дела чужого государства – Земцова и товарищей все это не волновало. Они просто собрались и поехали в Испанию, где взяли в руки оружие и встали в один строй с людьми, чьи взгляды были им близки и понятны. Вскоре они стяжали себе заслуженное уважение за бесстрашие и доблесть, проявленные в боях. Их стали называть «русо бланко» – белые русские. 3 мая 1939 года в составе отряда белых русских добровольцев Земцов прошел по улицам Валенсии, где победившие франкисты устроили парад победы по случаю окончания гражданской войны. Земцову было радостно от того, что для «белых» испанцев все закончилось именно так, и чрезвычайно горько от того, что не довелось пройти таким же парадом им по Москве и Петрограду. Только дело же не в бряцании оружием, а в том, что творится в умах, сердцах и душах людей. Впрочем, еще не вечер... Русских добровольцев наградили почетными орденами и чинами в испанской армии, предлагали остаться в этом солнечном краю насовсем. Но им было нужно не это. Эти деятельные люди жили надеждой вернуться на свою родину – вернуться в Россию. Чтобы продолжить начатую в 1917 году борьбу, которая лишь перешла в иную стадию, но отнюдь до сих пор не была закончена. Так они рассуждали, в это они верили.

После окончания гражданской войны в Испании Земцов прибыл в берлинское бюро отдела. Предоставившего себя в распоряжение организации офицера некоторое время не привлекали к работе – посоветовали хорошенько отдохнуть. Земцов уезжал в Югославию, затем снова вернулся в Германию. Неофициально хорошие знакомые Земцова через некоторое время

сообщили, что требуются люди его склада, в совершенстве владеющие, разумеется, немецким и русским языками. Петербургское образование Земцова полностью удовлетворяло первому лингвистическому требованию, ну а по поводу второго все только дружно рассмеялись. Вопросы «Зачем?..» не задал никто – главная идея всегда была неизменна. Ситуация на европейской внешнеполитической арене менялась стремительно, и русская военная эмиграция пристально следила за этими изменениями. Так в конце 1940 года Земцов оказался в учебном лагере под Бранденбургом.

...А сегодня ночью ему приснилась Ольга. Она была в том самом строгом платье сестры милосердия, в котором Земцов увидел ее в первый раз, в крепости Новогеоргиевск, летом 1915 года. По давно знакомой ему милой привычке Ольга, поджав губы, вставила в них заколки для волос и заплетала темно-русую косу. Она подняла глаза на Земцова. Взгляд ее поражающих при знакомстве серо-желтых глаз был настолько пронзительно-печален, что у Земцова захолонуло сердце. Но прежде чем проснуться, он успел увидеть, что на лбу у Ольги как будто большая алая полоса. Так и не надев на голову косынку с красным крестом, она поднялась и молча пошла прочь.

Земцов тогда впервые проснулся от сердечной боли. Рука на груди накрепко сжала в кулак незамысловатый серебряный крестик на простой тесемке. Он быстро коснулся его губами, съехал со стога сена. Прошелся босиком в одних галифе и белой нательной рубашке по утренней росе. У их «Шкоды» исправно маячил часовой. А где-то в утреннем тумане на дорогах гудели и гудели двигатели автомобилей, тягачей и танков. Вскоре скомандовали общий подъем, и они двинулись на своем грузовике дальше в путь...

Лейтенант Кнапке и сейчас дал команду, и они продолжили движение по забитым техникой дорогам до самого вечера. Во всей округе в столбах поднятой июньской пыли беспрерывно продолжал стоять деловитый гул моторов. На одном из неведомых перекрестков их «Шкода» долго пережидала, пока пройдет какая-то бесконечная колонна. До сидевшего у заднего борта Земцова донесся негромкий разговор на немецком языке. Снаружи в обшитое кожей отверстие для шнурования тента мелькнул нагрудный знак германского фельджандарма.

– Also, wir gehen in Russland⁷, – негромко произнес первый немец.

– Mein Vater wurde in Russland ermordet⁸, – отозвался второй.

– Traurig ist. Aber du hast geheort ein Befehl – wir haben keine andere Wahl⁹.

– Ja, das stimmt. Die Bolscheviken wollten uns ersten angreifen. Wir sind verpflichtet unsere Heuser zu scheutzen¹⁰.

– Genau so¹¹.

– Aber sehr schade, dass man nichts anders. Warum wieder leiden meussen die einfachen Leute?¹²

– Nicht traurig sein. Wir gehen doch unsere Heimat zu verteidigen. Es ist unser Pflicht¹³.

– Ja, einfach die Angst um, wenn sie schlugen die ersten¹⁴.

– Wenn nicht der Feuhrer, dann weurde passiert so...¹⁵

Земцов догадался, что этим немцам уже зачитали гитлеровский приказ о походе на Восток. В силу специфики их деятельности подчиненные лейтенанта Кнапке были осведом-

⁷ Итак, мы идем в Россию.

⁸ Мой отец погиб в России.

⁹ Печально. Но ты же слышал приказ – у нас нет другого выбора.

¹⁰ Да, верно. Большевики хотели захватить нас первыми. Мы обязаны защитить свои дома.

¹¹ Именно так.

¹² Но очень жаль, что не остается ничего другого. Почему всегда должны страдать простые люди?

¹³ Не печалься. Ведь мы идем защищать свою родину. Это наш долг.

¹⁴ Да, был бы кошмар, если бы они ударили первыми.

¹⁵ Если бы не фюрер, то так бы и случилось...

лены о приближающихся событиях несколько раньше. Теперь очередь дошла до всего личного состава германского вермахта. И если о готовящемся нападении уже знал каждый немецкий солдат, если хранить тайну уже больше не было необходимости, это могло означать только одно – до начала операции остаются считанные часы. Солнце садилось в пыльном мареве. Был вечер 21 июня 1941 года.

4

Тем субботним вечером 21 июня 1941 года Коломейцев все-таки тоже успел посмотреть кино в передвижке автотранспортного батальона. И даже задолго до отбоя вернулся в палатку своего экипажа. За рядами палаток, заботливо прикрытые свежесрубленными ветками и кустарником, стояли загнанные в капониры танки. Хотя завтра и будет воскресенье, Витяй все равно решил попросить у Барсукова разрешения повозиться с машиной. Идти в увольнение здесь было решительно некуда, а у хорошего механика-водителя работа по машине всегда найдется. В расположении Коломейцева ждало письмо из дома, уже не заставшее их в месте последней дислокации в Укмерге. Он снова вышел из палатки и присел на лавку за сколоченный на скорую руку из горбыля столик. При свете переносного фонаря «летучая мышь» распечатал письмо. Хорошо поставленным, почти каллиграфическим почерком после приветствия на целых две строчки отец кратко сообщал домашние новости, справлялся о здоровье и передавал приветы – от себя, от матери, от братьев-близнецов и отдельно от Лиды. Дома было все хорошо.

«А матрешка могла бы и сама написать», – мысленно усмехнулся в адрес Лиды Коломейцев.

Он был в отпуске совсем недавно, минувшей весной. В наутюженном серо-стальном танкистском обмундировании нового образца, в хромовых сапогах, с командирским чемоданчиком в руках (подарок Барсукова), со значками, медалью «За отвагу» на груди и с пущенной из кармана на старинный манер цепочкой от часов, отпускник старший сержант Виктор Коломейцев появился в городе Красногвардейске на пороге родительского дома. При его появлении отец сдержанно хмыкнул в типичной коломейцевской манере, мать всплеснула руками, а близнецы в один голос выпалили:

– Ух ты! Мы тоже так хотим!

Близнецы закончили семилетку и ходили в техникум.

– Учитесь, лоботрясы, – потрепал братьев по вихрам Витяй и зашел в дом.

Коломейцев вспомнил, как, оставшись в гостинной один, достал-таки тогда из глубины буфета убрannую от посторонних глаз, но хорошо известную всем членам семьи карточку с потертыми, некогда золотыми тисненными буквами на обресе: «Санкт-Петербург. Фотоателье К. Буллы. Невский, 54». Лихой гвардейский унтер-офицер в мундире с пристяжным лацканом и кивере на последнее царствование стоял навтыяжку под бутафорским бело-черным полосатым столбиком. На прибитой к столбику табличке было выведено: «Л.-Гв. Семеновского полка 8-я рота». Отец. Выправка вон и через тридцать лет никуда не подевалась! Витяй подошел к старому резному трюмо, оглядел себя в большом зеркале с чуть помутневшей с одного края амальгамой, поправил цепочку часов (у отца на фотографии была такая же), а потом, невесть чего застеснявшись, убрал фотографию на место и вышел в кухню к матери.

В конце отпуска Лида провожала его на вокзал. К месту службы он уезжал из Ленинграда. Она пришла с белыми нарциссами и протянула их ему. Коломейцев приколот к букету заранее приготовленную заколку в виде бабочки и подарил цветы Лиде обратно. Они оба долго смеялись, гуляли по городу, ели мороженое и Лида до самого момента их расставания ходила с букетом совершенно счастливая.

– Вернись осенью, матрешка, – улыбаясь, произнес Коломейцев и, будто бы поправляя на стеблях нарциссов заколку-бабочку, накрыл кисти ее маленьких рук своими ладонями. – Насовсем.

Лида встала на носочки и чуть коснулась губами его щеки...

...А ранним утром всех разбудил отдаленный грохот и гул. Танкистов подняли по тревоге, построили вдоль палаток. Их не бомбили, замаскированные танки в полном порядке

застыли на своих местах. Гул и грохот раздавались, вопреки ожиданиям, на востоке, а не на западе. Тревожные лица, но все по команде становятся в полном порядке. На левом фланге в напряженном молчании повисает чья-то вполголоса брошенная фраза:

– Война, что ли, братцы...

Спустя некоторое время из штабного автобуса пришел капитан Барсуков. Подтвердил коротко:

– Да, война.

И, не дожидаясь никаких приказов сверху, сразу же начал отдавать распоряжения по подготовке к маршу. Вскоре поступил и соответствующий приказ. Каждый член экипажа еще раз проверил свое место, вверенное оборудование и имущество. Часам к одиннадцати подошли грузовики снабжения. Привычная работа и спокойная уверенность Барсукова значительно сняли напряжение первых утренних часов. С подошедших грузовиков вытаскивали ящики со снарядами. Уложенные в специальные пеналы, снаряды заполняли отведенные им места в полах боевых отделений танков. Получили осколочно-фугасные и полубронебойные. Коломейцев разместил переданную ему часть зарядов в отделении управления, справа от места механика-водителя. Проверил в боевом отделении укладку почти трех десятков гранат Ф-1. Затем вместе со стрелком-радистом размещали по нишам все сорок девять дисков для пулеметов ДТ. Потом еще раз открыл люк для доступа к двигателю, внимательно все осмотрел. Добавил жидкости в систему охлаждения.

– А горячее-то не подвезли, – тревожно обронил перед капонирами кто-то из лейтенантов.

– Грузите продукты, – невозмутимоотреагировал Барсуков.

Передавая из рук в руки, грузили в машины мясные и рыбные консервы, банки с концентратами, хлеб, сухари, печенье, галеты, папиросы, спички, котелки, фляги с питьевой водой, красноармейские рюкзаки с личным имуществом и прочий нехитрый солдатский скарб. Повыдергивали колышки, свернули палатки. Закрепили на танках ротный шанцевый инструмент. Сдали и уложили под присмотром старшины в грузовики снабжения бытовое лагерное имущество. Барсуков с командирами машин обошел все танки, проверил готовность. Отчитал подвернувшегося старшину за то, что до сих пор нет горячего питания. Старшина взял под козырек и куда-то исчез. Получив разрешение обедать, Коломейцев с товарищами вскрыли часть продуктов из сухого пайка. У заряжающего нашлась железобетонная (или, как ее давно уже окрестили по аналогии со снарядами, которыми комплектовался танк, «бетонобойная») колбаса «Минская», полученная еще на прежнем месте стоянки. Покромсали колбасу ножом, пожевали с хлебом, залили водой из фляг.

– «Хрыч» кухню приволок! – радостно объявил сидевший на башне наводчик о старшине-сверхсрочнике. И свесился в люк. – Ребята, давайте котелки!

Вскоре весь экипаж, откушавший горячего борща и значительно повеселевший, дымил папиросами перед капониром. К Барсукову прибыл посыльный из полка. Коротко козырнув, вручил запечатанный пакет. Что-то передал на словах.

– Как там наши? – кивнул в западном направлении Ивлев. – Наступают?

– Не думаю... – чуть замялся посыльный и, быстро стрельнув глазами, отчеканил: – Не могу знать, товарищ младший лейтенант!

Посыльный вскочил на мотоцикл и умчался так же быстро, как и появился.

С кулками в руках к их КВ подошел старшина. Сунул Коломейцеву бумажный пакет:

– Вот, приказано раздать по одному на экипаж.

– Ого, «Полярный мишка»! – изумился Витяй, сунув руку в кулек и вытащив оттуда шоколадные конфеты. – Живем, братва!

– Даже слишком, – очень серьезно заметил с башни заряжающий, и все повернули головы в его сторону.

– Место нашей стоянки под Укмерге разбомбили, – ни к кому не обращаясь, произнес старшина. Пять пар глаз теперь устремились на него. – Авиация. Вдребезги.

Подхватив кульки и ничего больше не добавив к сказанному, старшина зашагал вдоль танков дальше.

– А здесь они нас еще не расчухали, – обронил кто-то.

Наконец подошли заправщики. Тут уж весь экипаж дружно впрягся в работу под руководством Коломейцева. Все изрядно употели, пока насытили КВ под завязку полагававшимися ему шестьюстами пятнадцатью литрами топлива. Закончив заправку, Коломейцев подошел к соседнему танку.

– Бояться нам нечего, ребята, – говорил своему экипажу младший лейтенант Ивлев. – Будем бить врага на его территории, малой кровью.

Ивлева заметно потряхивало – то ли от возбуждения, то ли от страха. А может, от того и от другого вместе.

– Накрылся дембель, – вздохнул ивлевский наводчик.

– Цыплят по осени считают, – прогудел в ответ заряжающий.

– Думаешь, до осени управимся? – спросил тихонько наводчик, с сомнением и в то же время с надеждой посмотрев на заряжающего.

– Спокойно, товарищи. Все идет по плану... – это уже Ивлев громко, в голос.

На броне у распахнутого люка механика-водителя, обхватив себя за плечи, сидел Москаленко.

– Заправились?

– Ага.

Положив руку Москаленке на плечо, Коломейцев мягко произнес:

– Матюша, как двинемся – держись за мной следом. И просто делай как я.

Москаленко закивал растерянно и благодарно...

Было уже около пяти часов вечера, когда поступила команда выступить. Барсуков, весь день носившийся по боевым и хозяйственным делам роты, заскочил на свой танк.

– Витяй, у тебя порядок?

– Так точно, товарищ капитан!

– Вы бы хоть поели, – подал голос наводчик. – У нас борщ остался...

– Нормально, – отмахнулся Барсуков и скомандовал:

– Заводи!

Мгновенно все зарычало и застрекотало. Машины выползали из капониров и выстраивались на дороге в походную колонну. Танки двинулись к назначенному им району сосредоточения близ Рассейня. Навстречу уже тянулись колонны беженцев, какие-то обозы, одиночные бойцы и даже отдельные воинские части, на автомобилях и в пешем порядке, тентованные полуторки с красными крестами на бортах, орудия с тягачами и на конной тяге. Вся эта масса людей и разношерстной техники, уже испытавшая на себе в большей или меньшей степени первый удар противника и скорее внутренне, чем внешне дрогнувшая под этим ударом, сама жалась к обочинам при появлении из клубов дорожной пыли тяжелых бронированных чудовищ. Колонна шла уверенно, на предельной для этих машин скорости. Барсуков спешил – через Ионаву стягивались основные силы танковой дивизии. Ему уже был известен дальнейший приказ – наступать. Танки должны были изготавиться для удара в срок.

Это потом будет исписана масса бумаги о тех первых минутах, часах и днях войны. С разными долями компетентности, субъективности, правдивости и вероятности. Будут вычерчиваться схемы танковых ударов и контрударов, направления действий армий, корпусов, дивизий и отдельных бригад. Будут гадания на кофейной гуще и тактико-технических характеристиках, кто и что мог или не мог сделать и почему сделал так, а не иначе. И что следовало бы сделать для достижения самого оптимального результата. За участников событий с обеих

сторон будут придуманы объяснения их действий и помыслов, которые они сами, пожалуй, в тот момент, когда эти события происходили, очень часто дать бы не смогли. Будут высказаны версии о готовности сторон к наступательным или оборонительным боям. Будут подробно рассмотрены соотношения живой силы, танков, самолетов, орудий, их дислокация и технические возможности. Наряду с другими будет озвучена очень правдоподобная версия (выражаясь уже современным языком) о глобальном управленческом и логистическом коллапсе, случившемся в первые дни войны на всей Западной границе. Выскажутся даже о том, кто и за что готов или не готов был в тот момент воевать. Кто и что ждал или не ждал от полыхнувшего единовременно от моря до моря военного пожара. Будут разносторонние обоснования, какие мотивации были у людей, занимавших должности от самой маленькой до самой большой по разные стороны линии фронта.

А там и тогда просто были люди. И танкисты роты Барсукова, по счастливому стечению обстоятельств не подвергшиеся первому удару немцев, сделали все, чтобы привести свои машины в полную боевую готовность. Чтобы выполнить то, для чего их готовили, чему их учили. Проще говоря – чтобы выполнить свой долг. Им всем было тревожно и даже страшно. Кто-то был подготовлен хуже, кто-то лучше. Кто-то даже имел опыт боевых действий. Конечно, абсолютное большинство из них вовсе не нюхало пороха. Но над ними и не висел груз поражений и отступлений. Это было очень важно для понимания их состояния и актуально именно тогда – в первые часы и дни разразившейся военной грозы. Не раньше и не позже. Это потом появятся переживания от ужаса боев, горечь отступления, паника, отчаяние, самые разные мысли. Потом появятся знания о масштабах сражений, потерь и трагедий. Всей правды, конечно же, не появится никогда. Большая же часть из оказавшихся в боях именно в самые первые дни людей, тая внутри своих душ целую гамму противоречивых переживаний, на самом деле ждала первой встречи с противником. Ждали даже те, кто не очень-то хотел в этом признаваться подчас и самим себе. Наряду с тревогой и сомнениями, каждого хоть раз, но посетила мысль: «Схлестнемся, вот и посмотрим, кто кого». И еще немаловажный момент – немцы тоже в те часы ничего не знали наперед. И тоже боялись. А сейчас бронированная колонна, выполняя полученный приказ, шла на запад. Плясали стрелки приборов, ревели двигатели, выжимая предельную для огромных машин скорость в двадцать километров в час, содрогались корпуса танков, лязгали гусеницы. Полностью укомплектованная тяжелая танковая рота исправно молотила траками по дорожной пыли.

Интенсивное движение с применением лишь боевых огней продолжалось всю ночь. Несмотря на это, оставших не было. На рассвете 23 июня над танками несколько раз проплывали высоко в облаках вражеские бомбардировщики. Видимо, они преследовали свои цели далеко в советском тылу – танковую колонну самолеты отчего-то не бомбили. Уставшего Коломейцева за рычагами КВ сменил наводчик. Витяй, потирая воспаленные после напряженного ночного вождения глаза, забрался в башню и попытался хоть чуток прикорнуть на жестком, раскачивающемся в такт движению танка сиденье. В сознании автоматически отпечаталось помимо его воли – наводчик дернул с места танк слишком резко. Опыта маловато... Потом Коломейцев даже немного подремал. Ближе к полудню совсем низко на запад прошло несколько звеньев наших ТБ. А через пару минут далеко по ходу их движения раздались отдаленные взрывы.

– Дубисса, – определил по карте реку впереди них Барсуков.

Танки расположили на опушке леса над рекой, тут же принялись рубить свежий кустарник для маскировки. Воспользовавшись паузой в движении, Коломейцев немедленно приступил к осмотру двигателя и ходовой части. Пока экипажи сустились вокруг своих танков, Барсуков отправился в штаб полка. Под растянутую на деревьях маскировочную сеть были загнаны несколько легковых «эмоков» и мотоциклов. Прямо на капоте одной из них разостланная карта и стоящий чуть набекрень полевой телефон.

– Дожимай их оттуда, – говорил кому-то в телефон начальник штаба полка, майор в фуражке и наброшенной на плечи кожаной куртке. – Сколько потерял?.. Все, что пригодно к ремонту, – вытаскивай в тыл. И держи мне мост!

Барсуков приложил к глазам окуляры бинокля. С возвышенности, на которой они расположились, хорошо была видна река внизу. В ее пойме только что отгрохотал короткий, но, по всему виду, ожесточенный бой. Пару часов назад немцы с ходу захватили плацдарм на восточном берегу. Однако контратакой нашего мотострелкового полка при поддержке танков БТ-7 неприятельская кампфгруппа была выбита обратно за реку. Барсуков увидел среди свежих воронок с полдюжины подбитых «бэтэшек» и с удовлетворением – несколько коптящих черным дымом вражеских бронемашин. Мост впереди был цел и снова находился в наших руках. Мотострелки до поздней ночи пускали ракеты с западного берега, обозначая свое местоположение. На рассвете следующего дня был получен приказ: тяжелым танкам переправиться на западный берег и, оказывая поддержку легким БТ и мотопехоте, продолжить наступление, придерживаясь линии дороги Таураге – Шауляй.

К раннему утру 24 июня все КВ были снова в полной боевой готовности – дозаправлены, осмотрены, мелкие неполадки, возникшие на марше, устранены. Экипажи даже успели поспать несколько часов и позавтракать горячей кашей. Спасибо старшине – нашел их со своей кухней в пыльном муравейнике фронтовых дорог. Настроение у всех было бодрое. Через Дубиссу переправились без затруднений. Получили участок для наступления. Верный сложившейся у него с финской войны привычке, Барсуков с командирами танков и механиками-водителями пешком выбрался осмотреть в бинокли местность, по которой им предстояло вести атаку. Делал он это, разумеется, когда позволяли обстоятельства. Сейчас позволяли. В бинокли посмотрели все. И Коломейцев посмотрел, и Москаленко. Уточнили порядок развертывания и движения, наметили ориентиры.

– Все-таки страшновато, – стянув танкошлем, потер затылок Матвей.

– Жми вперед, Матюша, не меняй без нужды передачи и не подставляй борта, – посоветовал возвращавшийся вместе с ним к своей машине Коломейцев.

Все заняли в танках свои места. Еще с полчаса напряженно ждали. Впереди и чуть левее что-то происходило. Оттуда валил дым, хлопали пушками ушедшие далеко от реки «бэтэшки», поднимали пыль спешащие в ту же сторону их юркие собратья.

– Приготовиться к атаке, – резко и все-таки неожиданно прозвучал по ТПУ голос Барсукова.

Сверху хлопнул закрытый командиром люк.

– Вперед!

Взревели танковые двигатели. С грохотом и лязгом на всю округу пятидесятидвухтонные машины выползали на поле и разворачивались для атаки. Несмотря на то что бой, который вели легкие танки, заметно смещался влево, Барсуков двинул свою роту согласно полученному приказу – строго в западном направлении. Набрав интервалы, несколько минут машины катились по ржаному полю. Видимость была сильно ограничена – смотровой лючок, как и положено в боевой обстановке, был задраен, и Коломейцев вел танк при помощи установленного в крыше над ним зеркального смотрового прибора. В башне, подсакивая и раскачиваясь на своих сиденьях, как манекены, прилипли к таким же закрытым броневыми колпаками смотровым приборам остальные члены экипажа. Танк шел вперед, двигатель уверенно молотил на средних оборотах, от вращающихся гусениц стоял звонкий стрекот, едва слышно за сопровождающими движением звуками гудели башенные вентиляторы, изготовившийся к бою экипаж обливался потом от жары и напряжения. Кроме этого, пока ничего больше не происходило – противника видно не было.

– Танки справа! – щелкнул переговорным устройством наводчик.

Барсуков приник к «триплексу» в смотровой щели. Через несколько секунд произнес:

– Наши.

Проехали мимо двух подбитых Т-26 с распахнутыми люками. У одного из них сбита гусеница размоталась далеко по траве. Затем попалась брошенная «бэтэшка», почему-то стоявшая кормой на запад. Коломейцев, работая рычагами, плавно обогнул воронку. За ней метров через тридцать валялся на боку наш броневомобиль БА-10 с оторванными колесами. КВ просто смахнул его в сторону легким толчком с траектории своего движения.

Барсуков запросил по радиии обстановку у других экипажей.

– Вижу подбитые танки, – прозвучал из радиостанции голос младшего лейтенанта Ивлева. И после некоторой паузы: – Много. Наши...

Капитан сверился с выбранными ориентирами, убедившись, что они двигаются правильно – на заприимеченную еще заранее одинокую мельницу в самом конце поля. И тут на них сбоку из оврага выскочил немецкий дозор. Первый мотоцикл появился как будто из-под земли. Увидев советские танки, сидевший в коляске немец открыл по ним стрельбу из пулемета. Вероятно, совсем уж от неожиданности.

– Дурак, что ли... – вырвалось у стрелка-радиста, замершего с пальцем на спусковой скобе ДТ в ожидании приказа.

– Курсовому пулемету – огонь, – прозвучал спокойный, как на учениях, голос Барсукова.

Обстрелянный из танка мотоцикл, круто развернувшись, стремительно помчался, подскакивая на кочках по ржаному полю, на полной скорости куда-то влево и исчез из зоны видимости. Второй мотоцикл лишь показался на несколько секунд и скрылся обратно в овраге. Барсуков приказал танкам обстрелять овраг из орудий.

– Осколочно-фугасный!.. – раздалось в башне.

Выстрелами с нескольких машин буквально обвалили стенки оврага, почти уравнив его с полем.

– Прекратить огонь, – распорядился по радиии Барсуков. – Продолжить движение!

Преодолев препятствие, лязгающая армада, набирая ход, пошла дальше к краю поля. А когда добрались до мельницы, то на обратном склоне за ней увидели картину настоящего побоища. Наступавшие советские легкие танки, по всей видимости, неожиданно наткнулись на немецкую засаду. Застилая полнеба, горели десятка полтора БТ-7 и Т-26. Остальные пятились назад, пытаясь въехать на пригорок и скрыться за ним. Между горящими танками угадывалось какое-то движение. Из дыма то и дело мелькали вспышки выстрелов. Сомнений быть не могло – прячась за завесой из чада и копоти, немецкие танкисты расстреливали наши легкие машины. Быстро оценив обстановку, Барсуков выстроил свои КВ на гребне и приказал дать несколько залпов по скопищу все равно уже сгоревшей нашей и едущей между ней немецкой техники внизу. А затем из радиостанций прозвучало:

– Атака!

С диким лязгом и грохотом, ускоряясь по склону, все КВ одновременно ринулись вниз. Пошли на предельной скорости. Врезались в подбитые машины и, расшвыривая их в стороны, быстро выскочили на прятавшихся за дымовой завесой немцев. Два вражеских танка подбили сразу. Причем у одного из них после выстрела с КВ отлетела башня. Перевернувшись в воздухе, башня стволом орудия вошла в землю, а оставшийся корпус запылал со всех сторон яркими языками пламени.

– Вот это да... – обалдело проговорил наводчик, отфыркиваясь после выстрела от пошедших в башню пороховых газов.

Пятившуюся задним ходом самоходку накрыли уже у самой проселочной дороги. Выскочив на тракт, успели улизнуть по нему несколько мотоциклов. Танковые пулеметы дробно били им вслед. А вот оставшуюся последней немецкую «тройку» погоняли по высоким колосьям изрядно. Вражеский танк, грамотно маневрируя, огрызнулся огнем, сам долго оставаясь неуяз-

вимым. Несколько раз по башне хорошенько приложило как будто здоровенным молотом. Но пробитий и повреждений от немецких снарядов не было.

– Шиш! – констатировал Барсуков, впрочем, слегка оглушенный.

Лязгнул затвор орудия. По специальному лотку пошел в камору гаубицы очередной снаряд. Энергично орудовал прибойником-досылателем замковый. Опять клацнул затвор. Отработанная процедура раздельного заряжания в очередной раз прошла четко и быстро.

– Готово!

Загудели электрические приводы, медленно ворочая тяжеленную и страшную башню.

– Огонь!

– Выстрел!

Грохот, дым, удушливые газы, несколько мгновений ничего не понятно – где ты и кто ты.

– Мажешь, наводчик, – раздался всего лишь через пару секунд ровный голос Барсукова.

– Юркий, падла, – сквозь губу процедил наводчик, ожесточенно вращая ручной секторный подъемный механизм вертикального наведения. – Я за ним не успеваю.

– Хитрый и быстрый, – невозмутимо уточнил капитан и адресовал следующую фразу механику:

– Витяй, выводи напрямую. Он нам ничего не сделает.

Коломейцев выкатил КВ на мягкую пыль ровного проселка и плавно затормозил.

– Орудие готово! – доложили после очередного лязга сверху.

Но не успела прозвучать команда «Огонь!», как немец вlepил им новый снаряд. Срезав несколько наружных болтов, снаряд с визгом маневрового паровоза рикошетом ушел в сторону.

На этот раз попадание пришлось в бронемаску орудия. Всех приложило лбами о броню. Чертыхаясь, полетел из своего сиденья наводчик.

– Да завалите мне его к е...й матери!!! – потеряв терпение, закричал в радиостанцию остальным танкам роты Барсуков. – Сколько можно всей толпой ши лаптем хлебать!..

Точку поставил экипаж Ивлева. Хоть Москаленко и затормозил так, что тяжеленный КВ буквально закачался на широких гусеницах взад-вперед, натренированный расчет, подловив немца на развороте, снес обложенной со всех сторон «тройке» половину катков по левому борту. Вместе с комьями земли вверх полетели ошметки порванных гусениц. И сразу во всей округе стало тихо.

Осмотревшись сначала изнутри башни по всем сторонам, Барсуков откинул крышку люка и осторожно покрутил головой. Позади догорали сожженные во встречном бою танки. Еще дальше и выше над ними жалобно крутила лопастями запылавшая с одной стороны ветряная мельница. Словно отчаянно размахивала руками, призывая на помощь. А впереди не было никого. Выслав взвод танков в дозор на три стороны, Барсуков разрешил остальным экипажам выбраться из машин. Возбужденные и чумазые, в пропотевших комбинезонах танкисты оживленно обменивались репликами после первого боя.

– Товарищ капитан! – подскочил к Барсукову младший лейтенант Ивлев. – Там немца из «тройки» взяли. Живой!

Заинтересовавшийся Барсуков, окруженный экипажами своей роты, подошел по изрытому гусеницами полю к разбитому немецкому танку. При его появлении сидевший под охраной двух танкистов германский офицер в черной танковой блузе поднялся и, прихрамывая, сделал два шага вперед, коснувшись закопченными пальцами края своей пилотки с розовым кантом.

Барсуков, вскинув руку в ответном приветствии к уже сменившей на его голове танкошлем фуражке, внимательно рассмотрел немца. Обер-лейтенант, одних примерно с ним лет, боевые награды и какие-то значки с различными изображениями танков на груди. Все понятно – профессионал.

– Зер гут, – произнес Барсуков, легонько указав пальцами сначала в сторону немца, а затем на его подбитый танк.

Немец чуть смущенно улыбнулся, дотронувшись ладонями до своих ушей. Вытекшая из них кровь уже успела засохнуть на шее и воротнике.

– Я говорю, зер гут, – наклоняясь к немцу, громко повторил Барсуков. И сделал несколько витиеватых движений рукой, долженствовавших обозначать умелые маневры немецкого танка в минувшем бою. – Абэр...

На этом познания Барсукова в языке противника заканчивались. Указав сначала на развороченную «тройку», выглядевшую довольно жалко на фоне громадного КВ, а потом обведя руками остальные танки гигантских размеров, выстроившиеся полукольцом неподалеку, капитан закончил:

– Но у вас не было шансов. Ивлев!

– Я, товарищ капитан!

– Переведи ему.

– Зи хаттен кайне шансен, – отчеканил немцу в ухо младший лейтенант с классическим произношением семилетней школы средней полосы России.

Немец поглядел на окружавшие его КВ, согласно покивал головой и, пожав плечами, развел ладони в стороны – дескать, ваша правда, но попытаться-то я был обязан. Его молчаливая пантомима была адресована главным образом Барсукову. Тот прекрасно все понял, ухмыльнулся и, покровительственно чуть тронув немца за плечо, повторил:

– Гут.

Экипажи вокруг сдержанно заушмылялись. Ивлев, проявляя инициативу, классической фразой продолжил допрос дальше:

– Ирэ папир, битте.

Немец без препирательств полез за документами, передал их Ивлеву. Но дальше, бросив опять-таки на Барсукова взгляд, в котором без всякого перевода читалось: «Уж вы-то понимаете, что рассказывать я ничего не могу», спокойно, даже не пытаясь изображать какой-то вызов, чуть повернул голову в сторону и принялся демонстративно рассматривать разнесенную вдребезги ходовую часть своего танка.

Барсуков, предоставив Ивлеву разбираться с пленным дальше, вернулся к своему командирскому КВ. Они продвинулись на несколько километров к западу. Сзади кроме сожженных танков никого не было. Ситуация впереди была неясная. Капитан по радио связался с батальоном. Ему ответили быстро, запросили обстановку. Барсуков доложил, попросил пехотное прикрытие и снабжение. Все обещали прислать. В целом в штабе общую обстановку оценивали вполне оптимистично. Наступательные действия планировалось продолжать. Приказав радисту постоянно держать на прием, Барсуков в хорошем настроении выбрался из машины и зашагал к своим танкистам.

Пользуясь временным затишьем, Коломейцев с разрешения командира отправился посмотреть подбитые немецкие танки. Они его не впечатлили. Ничего особенного – на уровне наших «бэтэшек» и «двадцатшестерок». Может, даже и похуже. Впрочем, справедливости ради надо было признать, что набили их немцы у нас уже изрядно. Но дело здесь явно было не в технике, а в подготовке командиров, выучке экипажей, организации взаимодействия в бою и снабжения. Ну и боевой опыт, разумеется... Подбитые танки еще кое-где дымились. От них тянуло тошнотворным запахом горелой человеческой плоти. Уже зная, что в распахнутых люках подбитых машин он увидит скрюченные обгорелые фигуры, Коломейцев повернул обратно. Ребятам уже не помочь, а на такие картины он вдоволь насмотрелся за финскую кампанию. Подойдут тылы, похоронят убитых, уволочут в ремонт то, что подлежит восстановлению. А у них наверняка сейчас появятся новые задачи...

Вернувшись в расположение, Коломейцев наткнулся на Ивлева с ФЭДом харьковского производства в руках. Младший лейтенант сбегал за фотоаппаратом в свою машину и теперь увлеченно щелкал затвором, запечатлевая, как он выразился, «для истории» подбитую вражескую технику. Мимо под охраной проводили пленного немца.

– Ну-ка, стой! – скомандовал Ивлев.

Танкисты остановились, немец послушно замер с руками по швам. Ивлев сунул фотоаппарат Коломейцеву в руки, а сам подвел немца к подбитой «тройке», встал рядом с ним и громко крикнул:

– Давай! Фото на память!

Витяй усмехнулся, взвел затвор и нажал на спуск. Младший лейтенант, однако, на этом не успокоился. Потребовав еще несколько снимков с разных ракурсов, он в итоге вытащил из кармана плитку наркомпищепромовского шоколада «Миньон» и протянул ее немцу.

– Давай-давай, снимай! – по-мальчишески задорно крикнул Ивлев Витяю.

Витяй навел объектив, в котором отразились немец со сделавшимся оловянным взглядом и улыбающийся во все тридцать два зуба Ивлев – и в очередной раз щелкнул фотоаппаратом. Вокруг уже, как на представление, собрались танкисты.

– Давай теперь я тебя с ним щелкну, – протянул руку за ФЭДом Ивлев.

– Да ну, – отмахнулся Коломейцев, – не хочу я с ним фотографироваться.

– Ребята, а давайте общую карточку сделаем, – предложил кто-то. И, сам того не ведая, произнес пророческие слова: – Кто знает, когда еще придется...

Они успели сделать общее фото на фоне ближайшего КВ, после чего Ивлев, получив фотоаппарат обратно в руки, объявил:

– Все. Пленка кончилась.

– Товарищ капитан, грузовик! – доложили Барсукову.

И вправду, слева по дороге двигалась полуторка. Барсуков вскинул к глазам бинокль. Разглядел, как машину сначала остановили у высланного в дозор КВ. Потом танкист с башни махнул рукой в сторону основных сил роты, и грузовик попылил напрямую к ним. Около расставленных в поле у дороги КВ полуторка затормозила. В кузове сидели бойцы в полном снаряжении, с винтовками и автоматами в руках. Однако для обещанного пехотного прикрытия их было явно недостаточно. Да и прибыл грузовик, получалось, не из тыла, а от соседей с фланга. Из кабины вышел подтянутый стрелковый капитан, увидев Барсукова, подошел к нему, козырнул и представился.

– Мы из 125-й стрелковой дивизии, – пояснил капитан. И, чуть помедлив и понизив голос, произнес: – Дивизия понесла большие потери и отступает.

– Где ваши позиции?

– Остатки дивизии уже отошли. – Капитан поднял глаза на Барсукова. – Мы сами вырывались с боем. Вон, полюбуйтесь.

Капитан указал на расщепленный пулями борт грузовика. После чего сообщил так, чтобы слышал только командир танкистов:

– Перед вами никаких войск нет. Мне приказано уведомлять всех, кого я встречу...

Барсуков сорвал травинку и в задумчивости пожевал ее несколько секунд. Развернулся на каблуках к стрелковому капитану:

– Я должен связаться со своим командованием.

– Разумеется, я понимаю, – кивнул капитан и добавил так же тихо: – Сообщите мою информацию в штаб.

– Конечно, – кивнул Барсуков.

– Мы должны следовать дальше, – взял под козырек капитан. – У меня приказ прибыть в штаб дивизии.

– Доставьте пленного, – попросил Барсуков. – Мне его девать некуда.

– Хорошо, – чуть помедлив, ответил капитан и крикнул в кузов: – Старшина, возьми двоих!

– Есть! – раздалось в ответ. Откинулся задний борт грузовика.

Из полуторки выпрыгнул старшина средних лет с автоматом на груди и двое молодых бойцов с винтовками. Пленного немецкого танкиста без лишних церемоний запихали в кузов.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! – это подбежал Ивлев.

– Обращайтесь.

– При штабе дивизии у вас ведь наверняка есть газета? Передайте пленку. Фотоматериал о наших первых боях и победах, так сказать... – Ивлев смутился. – Ну, для подъема боевого духа...

– Хорошо, передадим, – улыбнулся капитан. – Непременно.

И снова окликнул старшину. Тот принял от Ивлева отснятую катушку с пленкой и положил ее в нагрудный карман гимнастерки, аккуратно застегнув пуговицу.

– Закурить найдется? – окликнул один из танкистов солдата в грузовике.

– Держи. – Из кузова полетела пачка сигарет.

– Ого, трофейные уже!

– Оставь себе, – расщедрились пехотинцы.

– Благодарствуем! – отвечал танкист.

– Нам пора! – снова козырнул стрелковый капитан и забрался в кабину.

– Счастливого пути! – отвечал Барсуков.

Проводив взглядом отъезжающую полуторку, бросил остальным танкистам:

– По местам, ребята. Расслабляться рано.

И направился к своему КВ, приказав радисту вызывать штаб батальона.

5

– В следующий раз я вас расстреляю, Берзиньш, – произнес Кнапке, когда они остановили машину в небольшом перелеске, куда съехали с проселочной дороги.

Берзиньш стоял перед Кнапке навтыжку белый, как полотно.

– Как вы умудрились вопреки моему приказу избавиться от всех – я повторяю, от ВСЕХ – немецких вещей не только оставить у себя немецкие сигареты, но предлагать их русским?!

– Виноват, господин лейтенант!

– Не господин лейтенант, а товарищ капитан! – сквозь зубы с раздражением процедил Кнапке. – Нет, я точно когда-нибудь собственноручно сделаю вам дырку в башке...

– Виноват, товарищ капитан!

– Шлепнуть, пустить в расход, поставить к стенке, – прилежно перечислил Хубе еще выражения, которые отражали угрозу со стороны Кнапке в адрес Берзиньша.

Кнапке повернулся к остальным присутствующим при выволочке.

– Ваша работа, Цойлер?

– Да. Хубе – способный ученик, – спокойно подтвердил Земцов.

– Это еще хорошо, что русский танкист сам озвучил вполне правдоподобную версию появления у вас немецких сигарет, Берзиньш, – вернул разговор к злосчастной пачке Кнапке. – Иначе мы могли быть раскрыты прямо там.

– Спалились бы по полной, – невозмутимо вставил очередную реплику Хубе.

– Достаточно на сегодня жаргонных выражений, Хубе! – с плохо скрываемым раздражением проговорил Кнапке. Хубе прикусил язык и вытянулся во фронт. Кнапке закончил:

– Цойлер ко мне, остальные свободны.

Солдаты вернулись к машине. Советским грузовиком они обзавелись вчера днем, следуя за передовыми подразделениями группы армий «Север». В ходе стремительного продвижения немцев на направлениях главных ударов множество рокадных дорог оказались забиты брошенной техникой – подбитой, сгоревшей, выведенной из строя и совершенно целой. Такого разнообразия танков, бронемашин, грузовиков, легковушек, артиллерийских тягачей, орудий, всевозможных машин снабжения и даже гужевых повозок никому из них еще не приходилось видеть в своей жизни. Думалось, что вряд ли и придется. Причем большую часть всего этого явно не успели применить по прямому назначению. Успели поднять по тревоге, привести в движение, обозначить маршруты следования (зачастую часто меняющиеся на прямо противоположные), укомплектовать экипажами и расчетами, но не всегда и не везде полными. То же касалось и вопросов снабжения. Дороги с колоннами брошенных танков, в которых не было горючего и боеприпасов, буквально чередовались с дорогами, на которых застыли колонны, состоявшие из заправщиков и грузовиков, доверху забитых боеприпасами. Огромные дивизионные, корпусные, армейские механизмы были приведены в движение, но это движение не успело достичь той точки, с которой весь фронтовой механизм начинал работать более или менее четко и слаженно. Говорить о более мелких подразделениях вообще не приходилось. Следов боев встречалось относительно мало. И от этого картина хаоса вырисовывалась еще более апокалиптической. В одной из таких бесчисленных колонн они и присмотрели грузовик ГАЗ-АА, в новенькой зеленой краске, стоявший с распахнутыми дверями. После тщательного осмотра выяснилось, что машина полностью технически исправна. Лишь боковой борт прошила наискось пулеметная очередь, пущенная, вероятно, с самолета.

– Это то, что нам надо, – одобрил тогда полуторку Кнапке и приказал грузиться.

Сейчас Земцов с Кнапке прошли еще чуть дальше в лес. Командир группы раскрыл планшет, озабоченно потер подбородок.

– Вот смотрите, – обратился к Земцову. – Дальше у нас мост, а потом райцентр. Однако есть одно обстоятельство...

– Немецкий танкист? – догадался Земцов.

– Да.

Кнапке перехватил устремленный прямо на него стальной взгляд серых глаз. Мгновенно догадался, что скрывается за таким молчанием собеседника.

– Даже не думайте, Цойлер. Это офицер рейха.

– Тогда побег? – озвучил другой вариант Земцов.

– Пожалуй...

Они пошли обратно к машине. Не доходя до грузовика метров двадцать, Кнапке вдруг повернулся к Земцову и произнес, покачивая головой:

– Вы сторонник слишком крутых мер, Цойлер.

– Ничуть. – На лице Земцова не дрогнул ни один мускул, а голос оставался таким же ровным, как и прежде. – Просто у меня богатый жизненный опыт. Должен вам заметить, что самые серьезные проблемы очень часто вырастают из мелочей, на которые вовремя не обратили внимания.

Будто убеждая в чем-то самого себя, Кнапке раздумчиво повторял чуть слышно:

– Это офицер рейха... В ваших словах, конечно, профессиональный смысл... Риск, наверное, есть, но на фоне общей неразберихи...

– Не беспокойтесь, – прервал неожиданную рефлексию Кнапке Земцов. – Поступим как условились.

Когда Кнапке снова поднял глаза на собеседника, то обнаружил, что тот смотрит куда-то на верхушки деревьев с грустью и даже какой-то горечью на лице. Они встретились глазами.

– Папиросу? – Взгляд Земцова моментально опять стал спокойно-ироничный.

Кнапке взял протянутую ему пачку с изображением скачущих коней, впряженных в пулеметную тачанку. Скользнул взглядом по надписи:

«Папиросы “Тачанка”. Главтабак. 25 шт.».

Кнапке закурил и закашлялся. Земцов усмехнулся, привычно выпустив струйку дыма через нижнюю губу.

Следующую остановку выбрали специально напротив зарослей густого кустарника.

– Пошли до ветру, – бросил немецкому танкисту Земцов, оставил автомат на скамейке, спрыгнул через борт на дорогу и, не оборачиваясь, подошел к обочине.

Пленный вопросительно дернул подбородком. Хубе жестами объяснил, что нужно совершить. Причем сначала от его жестов у танкиста опять сделался оловянный взгляд, а остальные находившиеся в кузове бойцы дружно расхохотались. Уразумев, наконец, что от него требуется, танкист кивнул и чуть улыбнулся. Его подтолкнули к борту.

– Давай, давай, вон туда. – Земцов потащил «офицера рейха» за шиворот через кювет подальше в кустарник. Запихнул пленного в глубокие заросли, сам возвратился на дорогу, демонстративно отвернувшись в сторону, закурил. Простояли минут десять. К их огромному удивлению, немец как ни в чем не бывало пришел обратно. Обронил «данке» и сам забрался в кузов на свое прежнее место. Проходя мимо кабины, Земцов только развел руками.

– Поехали, – буркнул Кнапке водителю и захлопнул дверь.

В конечном итоге взятому ротой Барсукова пленному очень повезло. Под вечер, выйдя в район ожидания, группа Кнапке получила по радио условный сигнал. Собиравшимся на разведку к мосту, который им предстояло по первоначальному замыслу попытаться захватить, «бранденбуржцам» сообщили, что впереди уже находятся германские войска. Линия фронта менялась в те дни стремительно. Сами того не ведая, пробираясь заброшенными проселками, Кнапке со своими людьми последние несколько часов уже ехали по территории, занятой немецким механизированным корпусом в результате широкого охватывающего маневра. Подразде-

ления корпуса с ходу захватили и мост, на который была нацелена группа. Полупанк с установленным на нее тентом и натянутыми на фары маскировочными чехлами глубокой ночью смело подъехала к уже установленному с западной стороны перед въездом на мост полосатому шлагбауму. Не выходя из кабины, Кнапке обменялся по-немецки несколькими репликами с вышедшими навстречу фельдшармари. Из кузова высадили озирающегося по сторонам теперь уже бывшего пленного танкиста. Его провели в караульную будку. Шлагбаум взмыл вверх, шармари сделал разрешающее движение регулировочным жезлом, и полупанк двинулась по мосту дальше на восточный берег.

6

Пехотного прикрытия капитан Барсуков в тот день так и не дождался. Вместо него по радио пришел приказ – продолжать наступление в прежнем направлении всеми имеющимися силами. Пять минут на короткое совещание с командирами танков и уточнение маршрута движения по карте – и над колонной разнеслось:

– По машинам!

Земля загудела от рева десятка мощных двигателей. Но не успели проехать и сотни метров, как один из КВ, густо задымив без видимой причины, вывалился из колонны и приткнулся на обочине. Приказав по рации всем остальным продолжать движение, танк Барсукова подкатил к вышедшей из строя машине. Коломейцев, оставив молотить двигатель на холостых оборотах, выбрался наружу и подбежал к суетившимся вокруг своей заглохшей машины товарищам.

– Чего у вас?

– Прорыв маслопровода, – безнадежно размазал пятерней сажу и грязь по лицу механик-водитель с аварийного КВ.

Доложили подошедшему Барсукову.

– Вызывайте по радио техничку, – распорядился капитан.

Другого выхода не было, а им нельзя было терять время. Вскоре Коломейцев, откинув смотровой лючок, уже гнал свой танк вслед ушедшей вперед колонне. Через час они обогнули прыгавшую в поле с грузовиков нашу пехоту, и настроение у всех поднялось.

– А говорили, что наших частей впереди нет, – заметил наводчик.

– Значит, подвезли, – отозвался заряжающий.

А когда слева на холме обнаружили занимавшую позиции нашу артиллерийскую батарею, все повеселели окончательно. Барсуков загнал танки в ложину под прикрытие пушек. К ним подъехала пятнистая «эмка», из которой молодцевато выскочил пожилой подполковник с танковыми петлицами. Подполковник оказался из их дивизии. Он лихо запрыгнул на командирский КВ и ухватился рукой за скобу на башне.

– Надо их дожать, пока они не закрепились, – услышал экипаж в открытые люки слова подполковника. – Атаки легких танков желаемого результата не дали. Вы подоспели как нельзя кстати. После общего контрудара и разгрома вражеской группировки здесь приказано двигаться на Тильзит...

Барсуков кивал, склонившись над раскрытым планшетом полковника, получая очередную задачу. Снаружи объявился младший лейтенант Ивлев, заглянув в смотровой лючок к Коломейцеву, радостно сообщил:

– Опять идем в наступление! Вот так, малой кровью и скоро на чужую территорию!

Сидевший в танке Витяй оторвался от осмотра показаний приборов, поднял голову и ответил машинально:

– Ага...

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться к товарищу капитану! – это снова Ивлев, уже с другой стороны башни.

– Обращайтесь!

– Не располагаем картами Восточной Пруссии! – держа руку у виска, отрапортовал младший лейтенант. – Прикажите раздать.

– Раздадим, – после пристального взгляда на лейтенанта вместо Барсукова ответил с легкой усмешкой подполковник. – Только сначала вы мне здесь немцев выбить должны. По данным разведки, перед нами германский моторизованный полк, усиленный двумя артиллерийскими дивизионами, и большое количество танков.

– Выбьем! – в радостном возбуждении заверил Ивлев.

– Вот тогда и будет вам Восточная Пруссия. Все, по местам.

Ивлев побежал к своей машине. А через несколько минут Барсуков спокойным голосом уже отдавал команды роте по рации. Вперед двинулись по зеленой ракете. Это было удивительно, а на фоне общей ситуации, сложившейся тогда на всей западной границе, просто невероятно, но на третий день войны практически на направлении одного из главных ударов противника они продолжали наступать. Как ни парадоксально, незнание общей ситуации, пожалуй, тогда их и спасало. Они не знали и не могли еще знать о разгромленных, окруженных и откатывающихся на восток советских дивизиях в Белоруссии, на Украине и здесь, в Прибалтике. Им не было известно о числе уничтоженных советских танков и самолетов, о уже потянувшихся на запад длинных вереницах советских военнопленных. Они еще не успели в полной мере соприкоснуться с растерянностью и мужеством, малодушием и подвигами. Стратегическое и даже тактическое незнание обстановки ни к чему хорошему, разумеется, привести не могло. Они в тот момент не подозревали, что уже отходят или окружены их ближайшие соседи на флангах. Однако именно в эти первые часы и дни войны такое незнание о неудачах собственной армии уберегло многих из них от неуверенности в своих действиях. Благодаря хорошей подготовке и толковому управлению именно в их подразделении они выиграли свой первый бой. В какой-то момент совпали дельные приказы им сверху, правильно организованное снабжение, грамотно выбранное направление для удара. Уже не важно, случилось ли это по причине большей, чем в других местах, компетентности начальников и исполнителей или просто им повезло и пока продолжало везти. Но в результате всех этих совпадений у танкистов только окрепла вера в свои силы и умения. Не надломленные, а уверенные в себе, сидели сейчас в танках экипажи роты Барсукова. Никто из них не знал, что все очень скоро переменится и для них. Однако никто не хотел думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы еще раз померяться силами с врагом. И еще раз выиграть. Ненадломленная психика – страшное оружие. Поэтому, когда наводчик заговорил о том, что скоро, вероятно, пойдем в Восточную Пруссию, экипаж отозвался со спокойной уверенностью:

– Ну да. А куда ж еще...

– Атака! – раздалась в машинах по радио команда Барсукова.

До середины дня они ходили в атаку еще три раза. Сначала КВ Барсукова совместно с БТ-7 и Т-26 из их же дивизии приняли участие во встречном танковом бою. В районе Скаудвиле они схлестнулись с подразделениями 6-й танковой дивизии немцев. Было потеряно много наших легких танков, но и счет выведенных из строя неприятельских машин к обеду в общей сложности пошел на десятки. Два КВ остались на поле боя из-за поломок в трансмиссии и коробке передач. Еще у одного немецкие танкисты, оправившиеся от первого шока, полученного при виде русских бронированных исполинов с высоченными башнями, сосредоточенным огнем сбили гусеницу. Остальные машины, исклеванные со всех сторон вражескими снарядами, были брошены в следующую стычку. Кругом полыхали разбитые «бэтэшки», которых было больше всего в дивизии. Частично разметав, частично обратив в бегство пожегшие наши БТ германские «тройки», рота Барсукова совершила еще один рывок вперед. После кратковременной остановки выяснилось, что с места не может тронуться очередной КВ – тоже поломались шестерни в коробке передач. Барсуков приказал экипажу использовать неисправный танк как неподвижную огневую точку. Подошли несколько Т-26 с пехотинцами на броне. Один танк оказался огнеметным. Красноармейцы осторожно осмотрели местность за холмом. Вернувшись, доложили – впереди спешно окапывается немецкая пехота при нескольких артиллерийских орудиях. Куда переместились их танки – неизвестно. Связались по радио со штабом, доложили обстановку. Из радиостанции в очередной раз открытым текстом коротко прозвучало: «Продолжать наступление!» Взяв командиров всех танков, своих механиков-водителей и стрелкового старшего лейтенанта, Барсуков полез на гребень холма ставить их импровизи-

рованной боевой группе очередную боевую задачу. Быстро обсудив детали планирующегося налета, заспешили по машинам.

– Страшно мне, Витяй, – на бегу произнес Москаленко, когда они возвращались назад. Коломейцев остановился, встряхнул товарища за плечи.

– Ты молодец, Матюша. Отлично водишь!

– Не в том дело, – тихо отозвался Москаленко и кивнул на свой танк. – Мы не вернемся из этой атаки.

Коломейцев остолбенел с открытым ртом.

– Да с чего ты взял?!

– Знаю, – вздохнул Москаленко. – Вот сейчас прямо и узнал...

Ошарашенный Витяй не успел ничего ни переспросить, ни уточнить. Только у самого внутри все вдруг сжалось и похолодело. Москаленко покорно забрался на танк, спустился в люк и, кивнув Коломейцеву с обреченным видом, задраил за собой крышку.

Через три минуты полдюжины КВ с жутким ревом двинулись из-за холма на едва оборудованные позиции немцев. Вражеское охранение, а следом и основные силы неприятельской пехоты кинулись врассыпную. Даже сквозь гул и лязг Коломейцев слышал отчаянный мат, с которым сидевший рядом стрелок-радист опустошал один за другим пулеметные диски, поливая пространство перед танком длинными очередями. На оскаленном и перекошенном лице губы стрелка ходили ходуном из стороны в сторону в нервном тике. Однако расчеты оказавшихся здесь германских 105-миллиметровых пушек проявили незаурядную выдержку. Их сосредоточенным огнем был остановлен один из КВ.

– Витяй, заходи с фланга, – раздался в ТПУ голос Барсукова. И уже по радиии всем капитан отчаянно закричал: – С флангов, с флангов, не лезьте в лоб!

Последнее было адресовано «двадцатшестеркам». Однако тщетно. Пытавшиеся лобовым ударом преодолеть расстояние до немецких пушек, в считанные минуты все они были подбиты. Пехота сиганула в разные стороны от весело полыхнувших броневых машин. А спустя несколько мгновений от страшного по силе удара содрогнулся их танк. Как и чуть больше года назад на финской, Коломейцев на секунду выпустил из рук рычаги. Сжав их с новой силой, услышал голос наводчика:

– Башню заклинило.

– Витяй, разворачивай влево! – это уже Барсуков.

Коломейцев рванул рычаги, вспахивая пригорок, развернул танк в нужном направлении. И уже в процессе разворота успел выхватить взглядом еще одно немецкое орудие совсем рядом, которому они невольно подставили борт. Увидел это и Барсуков.

– Витяй, назад! – кричал моментально сориентировавшийся в обстановке капитан. – Откатись назад!

Они не успели – выстрелом им повредили гусеницу. Коломейцев рвал рычаги, но КВ только хрипел двигателем и тяжело ворочался на одном месте. Все ждали очередного удара, который их, без сомнения, добил бы окончательно, но вместо этого рядом раздался оглушительный взрыв. Еще некоторое время ушло на осознание того, что взорвались не они, а кто-то другой. А потом все неожиданно стихло.

Поле боя и в этот раз осталось за ними. К поврежденной командирской машине съехали оставшиеся невредимыми последние три тяжелых танка. К ним же инстинктивно сбегались полтора десятка уцелевших красноармейцев – все перепачканные, увешанные расплзшимся во все стороны снаряжением. На месте одного из немецких орудий полыхал огромный костер. Все-таки подобравшийся с фланга огнеметный танк выжег неприятельскую пушку и ее расчет в полном составе. И сам, подорванный, застыл тут же. Экипаж Барсукова выбрался на перепачканное поле, но смотрел в другую сторону. Там горел КВ со съехавшей на сторону огромной башней. Из-под гусениц подбитого гиганта, внутри которого сдетонировал боезапас, торчали

обломки немецкого орудия – того самого, которому экипаж младшего лейтенанта Ивлева не дал добить танк своего ротного командира.

– Матюша... – только и вырвалось у Коломейцева.

Три часа без перерыва, стиснув зубы, Витяй ремонтировал их танк. Сбил ладони в кровавое месиво, но поврежденную гусеницу восстановил. Заменял в очередной раз грязнущие воздушные фильтры, также проверил масло и систему охлаждения. Ему помогал уцелевший экипаж второго подбитого в этой атаке КВ. Остальные пытались заставить двигаться заклинившую башню. Удалось и это, правда, башня могла теперь вращаться только вручную. Радио молчало. Барсуков приказал пополнить их боезапас за счет выбывшего из строя КВ, привести обездвиженный танк в полную негодность и отвел остатки их боевой группы немного назад, расставив машины между невысокими холмами. Командиры машин доложили: горючего в баках осталось на несколько десятков километров хода, боезапас израсходован более чем наполовину, большой перерасход патронов к пулеметам. А самое главное – танки нуждались в срочном профилактическом техобслуживании. В противном случае машины будут обездвижены и без прямого воздействия противника. Выслушав подчиненных, Барсуков потер виски. В строгом смысле, безвозвратно в бою был потерян только один танк с экипажем. Ну и второй не было возможности вытащить. Остальные экипажи, слава богу, живы все. А поломавшиеся машины капитан надеялся вернуть в строй при помощи специалистов из ремонтно-восстановительного батальона. Кстати, где эти специалисты... Барсуков в очередной раз запросил по радио штаб – ответа никакого. Отправив пехотинцев в боевое охранение, он разрешил экипажам обедать. Перекусили всухомятку. Немцы перед их позициями ничего не предпринимали, все было спокойно. Возможно, они вообще отправились в другом направлении. Уже ближе к вечеру наконец-то из штаба до них добрался мотоциклист. Посыльный вручил даже не приказ, а короткую карандашную записку от того танкового подполковника из их дивизии, который отправлял их сюда в атаку в первой половине дня. Из записки следовало, что теперь им необходимо срочно отступить обратно. На словах посыльный сообщил, что дивизия охвачена противником с трех сторон и ей в скором времени грозит полное окружение. Барсуков насупился. Через несколько мгновений произнес:

– Хорошо. Мы выдвигаемся в обратном направлении. Поезжайте первым, сообщите, что нам срочно нужны ремонт, заправщики и боеприпасы. И еще нам нужна радиосвязь.

Барсуков вытащил из планшета блокнот, быстро нарисовал карандашом схему, сделал на ней несколько пометок и, вырвав листок, протянул его посыльному:

– Вот, здесь отмечены оставленные нами поврежденные машины. Сразу же передайте эту информацию в ремонтно-восстановительный батальон. Пусть немедленно вышлют тягачи. Один танк вы точно должны были встретить по дороге сюда.

– Встретил, – подтвердил посыльный. И даже позволил себе чуть улыбнуться уголком рта. – Сидят на башне, загорают.

– Пусть тягачи немедленно заберут поврежденные танки и тащат в ремзону.

– Есть! – вытянулся посыльный и тут же, смутившись, добавил:

– Только, товарищ капитан...

– Что?

– Нет никакого восстановительного батальона... И тягачей нет. Немцы с самолетов разнесли все вдребезги. И заправщики неизвестно где...

– Что ж вы меня морочите, говорите «есть», раз знаете, что ни черта уже нет! – прикрикнул на посыльного Барсуков. – Это же совсем другая вводная!

– Виноват! – вытянулся тот.

– Поезжайте немедленно. Доложите, что мы возвращаемся только с той техникой, что осталась на ходу. И пусть хотя бы для нее найдут горючее и боеприпасы...

Козырнув, посыльный бросился заводить мотоцикл. Вскоре он уже пылил в вечерних сумерках по дороге обратно. Слушая удаляющийся стрекот одинокого мотоциклетного мотора, Барсуков хмурился все больше и больше. Такая тишина со всех сторон не предвещала ничего хорошего. Остаткам роты было приказано выдвигаться. Вскоре в сгустившихся сумерках четыре потрепанных КВ, посадив на брону пехотинцев и экипажи выведенных из строя машин, поползли в направлении на восток.

Они вернулись на исходный рубеж, с которого начинали свое выдвижение минувшим утром. Однако никого на нем не застали. Только следы гусениц и колес в тех местах, где стояла техника. Ни танков, ни машин, ни тылов. Батареею с возвышенности тоже куда-то уволокли – от нее остались только неглубокие артиллерийские ровики, которые начали копать и по какой-то причине спешно бросили. Даже посланный вперед посыльный тоже куда-то исчез. А может, с ним чего по дороге случилось, высказали предположение танкисты. И радио молчало.

Посоветовавшись с командирами машин, Барсуков решил отступить по тому же маршруту, по которому они двигались сюда. Позади была река. В конце концов, на ней они непременно должны были встретить своих. Ведь не могли же советские войска не занять прочную оборону на такой крупной водной преграде. Предположим, противнику удалось вклиниться в нашу оборону на несколько километров, пусть даже на десяток-другой километров. Но явно не больше. Так они тогда рассуждали, не зная, будучи даже не в состоянии предположить, что на самом деле немецкое продвижение на восток измерялось уже сотнями километров. Воистину – ненадломленная психика не только оружие, но и утешение...

– Что с горючим? – справился Барсуков.

– На несколько десятков километров, – отвечали командиры машин.

Капитан, подсветив себе фонариком, прикинул по карте обратный маршрут до реки. Чуть закусил губу в задумчивости – с учетом пересеченной местности, ночного вождения и прочих поправок топлива у них на пределе, но должно хватить.

– Состояние танков?

– Аховое, – обронил кто-то. – Еле шлепаем...

– Конкретнее! – резко возвысил голос Барсуков.

Ему перечислили конкретнее: боеприпасы и горючее на исходе, запасных частей никаких нет, расходных материалов нет. Даже воздушные фильтры кончились.

– Усадим от пыли движки – и привет... – подвел итог кто-то.

С минуту Барсуков раздумывал. Затем озвучил решение:

– Выступаем ночью. Снявши голову, по волосам не плачут...

На рассвете следующего дня благополучно, но чрезвычайно медленно проползав по лесным дорогам, они догнали нашу колонну. Точнее, то, что от нее осталось. Съехавшие на обочины, один за другим выстроились тягачи с прицепленными к ним тяжелыми гаубицами. Все новенькое, в свежей краске, орудия с зачехленными стволами – и все брошено. Никого – ни живых, ни мертвых. В тягачах кончилось горючее. Артиллеристы их просто бросили и ушли. Отряженные на поиски топлива танкисты вернулись обратно ни с чем. А еще через пару километров на небольшой полянке открылась очередная картина настоящего погрома. Видимо, колонна расположилась на привал и подверглась неожиданному нападению противника. Странно, но звуков боя впереди себя танкисты не слышали. Впрочем, за грохотом и лязгом машин да от трехдневной усталости – оно и немудрено.

– Парашютисты? – высказал предположение о нападавших наводчик.

– Возможно, – растерянно отозвался Коломейцев.

Понурые танкисты бродили по поляне среди трупов и расстрелянных автомашин.

– Братцы, гляньте, – окликнул товарищей заряжающий. – Это же наш «хрыч»...

На полевой кухне, обхватив руками котел, будто хотел уберечь его от врагов, распластался их старшина. Небритая щека вмята в крышку, загустела, не добежав из простреленного виска к подбородку, струйка крови.

Все заозирались по сторонам, более внимательно присматриваясь к убитым в поисках товарищей из их батальона. Однако больше знакомых не находилось.

– Каким ветром его сюда принесло? – ни к кому не обращаясь, поинтересовался о старшине и его кухне наводчик.

– Как, как – нас кормить ехал! – отозвался стрелок-радист.

– А котел-то теплый, – дотронулся рукой до металлической конструкции на колесах заряжающий. – А ну-ка, принимай...

Убитого старшину осторожно сняли с кухни и положили на траву. Заряжающий отдраил крышку, из-под которой потянулся легкий дымок, и заглянул внутрь. Объявил:

– Каша. Пшенная. Давайте котелки.

– Я не буду... не могу... – отшатнулся кто-то в сторону, споткнулся о тело убитого и, встав на четвереньки, обильно зашелся рвотой с пузырями.

Остальные отвернулись, но никуда не ушли.

– Живые о живых... – философски проговорил наводчик и первым протянул котелок.

Они поели каши и продолжили осмотр разгромленной колонны. В кузове одного из грузовиков нашлась двухсотлитровая бочка с горючим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.